

ДРУГАЯ СТОРОНА ЭЛИС

КРИСТЕН ЛЕРО

*Я не боюсь смерти. Я боюсь,
что проживу достаточно долго,
чтобы стать такой же, как он*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристен Леро
Другая сторона Элис

«Автор»

2026

Леро К.

Другая сторона Элис / К. Леро — «Автор», 2026

Правило первое: Харпер вытащит, если позволишь. Правило второе: Корелли не должен знать, кто ты. Правило третье: не путай одно с другим. Элис нарушила все три. Чикаго, 1928. Один мужчина держит её за верёвку с безопасного берега. Другой — даже не держит. Просто смотрит. И этого почему-то достаточно. Некоторые планы разрушает пуля. Некоторые — один взгляд. Некоторые — человек, который верит в тебя сильнее, чем ты сама. Элис не знает, что страшнее... *все персонажи вымышленные. Любое совпадение случайно. Без исторической достоверности. # Триггерные предупреждения: насилие над детьми · сексуальное насилие · торговля людьми · психологическое насилие · травматическая амнезия · смерть близких · манипуляция · организованная преступность 18+. Тёмный роман. Читайте осознанно.

© Леро К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Отголоски, которые тянут назад	8
Глава 2 Кузница легенды	12
Глава 3 Архитектор хаоса	18
Глава 4 Проект Чистота	26
Глава 5 Ржавчина на серебре	30
Глава 6 Саут-Сайдский блюз	34
Глава 7 Эхо в пустом кабинете	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кристен Леро

Другая сторона Элис

Пролог

Уважаемый читатель

Эта книга предназначена для читателей старше 18 лет.

Текст содержит сцены и темы, которые могут быть эмоционально тяжёлыми:

— *насилие над детьми и его психологические последствия*

— *сексуальное насилие (без детального описания)*

— *торговля людьми*

— *психологическое насилие и манипуляция*

— *травматическая амнезия*

— *гибель близких*

— *организованная преступность и коррупция* Автор намеренно не смакует насилие — но и не скрывает его существование.

Это часть истории. Если перечисленные темы являются для вас болезненными — пожалуйста, берегите себя.

Чикаго не спит. Он притворяется.

Лежит в темноте с открытыми глазами - огромный, грязный, живой - и ждёт, пока ты решишь, что он безопасен. А потом поворачивает голову и смотрит на тебя в упор.

Я знала это с детства.

Знала, что этот город умеет хоронить секреты глубже, чем любое кладбище.

Знала и всё равно вошла.

Меня зовут Элис Грейсон. Мне двадцать пять. Я бухгалтер.

Это всё, чем я была до того вторника.

В конторе «Миллер и сыновья» меня не замечали. Очки с роговой оправой, юбка ниже колен, волосы цвета пшеницы, убранные подальше от лица. Я сидела в углу, считала чужие деньги и молчала. Место пахло бумажной пылью и чужим табаком - запах старых решений.

Идеальная невидимка. Но невидимки видят всё.

Прошлой зимой я увидела кое-что, чего не должна была. Огромные суммы утекали по фиктивным контрактам - арматура для несуществующихстроек, поставщики без адресов, подписи без лиц. Деньги растворялись с хирургической точностью.

Это было личным оскорблением.

Не потому что я дорожила репутацией конторы. А потому что я уже видела эту схему. Двадцать лет назад. В тетрадах мёртвого человека.

Моего отца звали Джон Грейсон. Он работал городским аудитором. В ноябре, когда мне было около пяти, его машина слетела с дороги поздно ночью.

Полиция назвала это несчастным случаем.

Его записи я нашла в семнадцать. Коробка под кроватью матери, завёрнутая в старую клеёнку, будто она и сама боялась к ней прикасаться. Внутри были тетради. Убористый почерк. Колонки цифр. Красные пометки на полях.

Он писал о деньгах, которые умели исчезать. И о людях, которые шли за ними следом и тоже исчезали.

На последней странице последней тетради - схематичный рисунок. Пять растопыренных пальцев. Ладонь, раскрытая как приказ или как угроза. И одно слово, обведённое красным так сильно, что карандаш прорвал бумагу.

Mano.

Я носила этот листок с собой восемь лет. Перекладывала из кармана в карман. Не как талисман.

Как долг.

Когда я увидела ту же схему в бухгалтерии «Миллер и сыновья» - я не испугалась.

Я начала копать.

Это была ошибка. Не в том, что копала. В том, что думала - незаметно. Я сама привела их к себе. Крошечная погрешность в формуле амортизации, случайная и ничтожная, оказалась именно той ниточкой, за которую они потянули.

Тот вторник пах озоном после короткого осеннего ливня. И холодным кофе.

Они вошли без стука.

Первый - крупный мужчина с тяжёлым взглядом человека, которому давно не задают лишних вопросов. Второй - Том Харпер. Костюм из камвольной шерсти, не новый, но с правильными складками на локтях. Человек, который одевается не чтобы произвести впечатление, а чтобы не отвлекать внимание от себя.

Он вошёл так, как входят люди, которые знают, что никуда не торопятся. И именно поэтому уже выиграли.

Харпер указал на переговорную - жестом, который не предполагал вопросов. Я пошла сама.

Это тоже было частью метода: ты идёшь сам - значит, уже согласился.

Стеклянная коробка без окон. Стол, прикрученный к полу. Лампа под жестяным абажуром висела низко, бросала жёлтый круг и оставляла углы в темноте. Воздух был старый - застоявшийся, будто комната давно держала что-то внутри и не собиралась отпустить.

Харпер сел напротив. Не навис. Именно сел - спокойно, как будто мы встретились за кофе. От него не пахло ничем. Совсем. Я почему-то запомнила именно это.

Это было страшнее, чем если бы он кричал.

Он раскрыл папку одним движением. Мои таблицы. Мои запросы. Мои маршруты.

- Полпроцента, Элис. - Голос тихий, почти мягкий. - Стандартная формула амортизации для разовых контрактов. Разница ничтожная. Но именно она вывела нас на вас. - Пауза. - Вы очень умны. Не каждый аудитор увидел бы эту схему.

Комплимент. Замок закрылся снаружи.

- Нам нужен человек внутри картеля La Mano.

La Mano.

Два слова упали в тишину и разошлись кругами. Ладонь с растопыренными пальцами. Красный карандаш. Восемь лет в кармане.

- Мы знаем, что вы нашли, - продолжил Харпер. - И мы знаем, что вы искали что-то своё. - Он чуть наклонил голову. - Мы можем помочь друг другу.

- Нет.

- Элис. - Моё имя без давления, почти сочувственно. - Всё, что нам нужно, это человек, который понимает цифры. Который уже внутри этой истории.

- Я бухгалтер. Моя мать больна. Я не...

- Я знаю о вашей матери. - Просто факт. Как погода. - Лечение дорогое. Мы можем это решить. Всего месяца три.

Что-то сжалось под рёбрами - резко, как удар кулаком изнутри. Не угроза. Предложение. Упакованное в заботу так плотно, что я не почувствовала края.

- Нет, - повторила я тише.

Харпер помолчал. Потом кивнул - как будто принял внутреннее решение. Медленно поднялся. Застегнул пуговицу пиджака.

- Хорошо. Тогда нам не о чём разговаривать.

Он направился к двери.

Остановился.

Не обернулся.

- Картель уже знает, что кто-то копал под их схему, - сказал он в стену. Тот же ровный голос. Голос человека, который излагает факты. - Пока не знают кто. Это ненадолго. Когда узнают - вашу мать найдут первой. Вас второй.

Пауза.

- Это не угроза. Это хронология.

Тишина.

- Мы предлагаем единственный выход, который существует.

Он обернулся. Посмотрел спокойно, почти устало.

- Я сожалею, что разговор зашёл так далеко. Это не то, чего я хотел.

Он и правда сожалеет. Я видела это. Ненавидела себя за то, что вижу.

Я думала об отце. О тетрадах. О ладони, обведённой красным. О том, что кто-то принял решение в ноябрьскую ночь двадцать лет назад - и до сих пор спокойно спит.

La Mano. Его ниточка.

Теперь моя.

- Хорошо, - прошептала я.

Харпер выдохнул - едва заметно. Взял папку. Пошёл к двери.

Больше ничего не сказал. Это было хуже любых слов.

Я сидела в стеклянной клетке ещё долго после того, как они ушли. Смотрела на свои руки - неподвижные, будто чужие. Слушала, как тикают часы за стеной. Как хлопает дверь в конце коридора. Как город дышит сквозь тонкие стены - ровно, глубоко, безразлично.

Чикаго видел и не такое.

Страх был. Настоящий, животный, холодный - сидел под рёбрами и никуда не собирался. Но под ним пульсировало что-то ещё. Острое. Тёмное. Живое.

Что-то похожее на то, как охотник берёт след - и понимает, что зверь близко.

Именно это пугало меня куда больше всего остального.

Потому что я уже знала: я не остановлюсь.

Даже если надо бы.

Глава 1 Отголоски, которые тянут назад

Дом встретил меня запахом яблочного пирога и маминых духов - старый флакон, который она открывала только по особым случаям. Запах безопасности.

Запах мира, который заканчивался прямо сейчас, пока я стояла в прихожей и не могла заставить себя снять пальто.

- Элис! Пирог почти готов. Решила побаловать тебя перед отъездом, скоро за мной заедет дядя Роберт, отвезёт к подругам.

Мать стояла у плиты в старых перчатках для выпечки, не оборачиваясь. Обычная картина. Она двигалась осторожно - в хорошие дни она всегда так двигалась, будто берегла что-то внутри на потом. Я смотрела на неё и думала: она не знает. Она готовит, суетится и не знает, что сегодня в два часа дня что-то сломалось так, что уже не починить.

- Привет, мам.

Я обняла её за плечи и постаралась запомнить - тепло, запах, мягкость рукава. Сохранить это, как сохраняют важный документ, зная, что оригинал скоро сторит.

Она нахмурилась - почувствовала что-то. Матери всегда чувствуют.

- Что с тобой? Выглядишь ужасно.

- Просто много работы. - Я отпустила её и сделала шаг назад. - Mam, я уезжаю в командировку. На три месяца.

В этом молчании было больше вопросов, чем в самом громком крике. Она смотрела на меня - долго, внимательно - и я видела, как она взвешивает то, что знает, против того, что слышит.

Наконец кивнула.

- Ладно. Позвони, как доберёшься.

Я прижалась к ней ещё раз.

- Иди, мам. Дядя уже ждёт.

Я слышала, как хлопнула входная дверь. Как стихли шаги на лестнице. Как дом сделался тихим. По-настоящему тихим, той особенной тишиной, которая бывает только когда знаешь, что остался один.

Я всё ещё стояла в пальто.

Сняла его наконец. Повесила. Прошла в комнату - не знала зачем, а ноги знали. Они привели меня к полке - туда, куда я не смотрела уже несколько месяцев, потому что смотреть было незачем. Теперь было.

На полке стояла фотография.

Маленькая девочка. Плюшевый медведь прижат к груди обеими руками - так держат то, без чего не выживешь. Я знала, что это я. Помнила медведя - смутно, как помнят запах, а не образ. Что-то тёплое и своё.

Но саму себя на этой фотографии - не помнила.

Тот кусок детства просто отсутствовал. Не стёрся - именно отсутствовал, как страница, которую вырвали аккуратно, по линейке. Я знала факты: отец погиб, когда мне было пять. Знала, что та ночь была. Но что было до неё, что было вокруг неё - белое ничто. Медведь где-то в этом белом и остался.

Я поставила фотографию обратно.

Чемодан стоял в углу - старый, с латунными застёжками. Я раскрыла его на кровати и начала собирать. Методично, как всегда - стопки, слои, ничего лишнего. Руки работали сами, голова была где-то ещё.

Три месяца. Я клала свитера и думала: три месяца - это девяносто дней. Думала: что будет с матерью, пока меня не будет. Думала: Харпер сказал, что они помогут оплатить лечение, и это должно было успокоить, но только делало всё тяжелее - потому что означало, что я уже внутри, уже должна, уже часть этого, хочу я того или нет.

Я застегнула чемодан.

Посмотрела на него. На фотографию на полке.

Примерно через час во входную дверь постучали.

Он поняла, что он придёт.

Харпер вошёл без лишних слов - снял пальто, огляделся. Взгляд двигался по комнате методично: окна, выходы, расстояния. Не жильё. Периметр.

- Вы понимаете, куда согласились войти?

- *La Mano*- это картель. Я понимаю.

- Нет. - Без раздражения, просто поправил. - Вы знаете слово. Это другое.

Он раскрыл тонкую папку на столе между нами. Схема в три уровня - большинство имён зачёркнуты жирными линиями, некоторые заменены цифрами. Бумага была плотная, края чуть потрёпаны - эта схема существовала давно.

- Наверху - легальный бизнес. Лица в торговых палатах, банках, городском совете. В середине - логистика. Люди, которые перемещают деньги и не знают, чьи они. Внизу - всё остальное.

Я смотрела на зачёркнутые имена и видела не имена. Я видела интервалы между ними - промежутки, в которые утекают деньги прежде, чем кто-то успеваешь спросить куда. Это я умела читать.

- Вы будете работать на стыке первого и второго уровня. Видеть достаточно, чтобы быть полезной нам. Достаточно мало, чтобы они вам доверяли.

- Меня могут раскрыть.

- Да. - Он не стал смягчать. - Поэтому легенда должна держаться изнутри, не снаружи. Вы должны думать как Алисия - не как Элис Грейсон. Разные люди, разная история, разные привычки. Алисия не боится денег. Она к ним равнодушна. Это важно.

- А Грейсон?

Он посмотрел на меня.

- Грейсон оставите здесь.

Я хотела что-то сказать. Не нашла слов.

- Если вас раскроют раньше времени, - продолжил он, - у нас будет очень короткий промежуток, чтобы вас вытащить. Очень короткий - это значит: мы можем не успеть. Я говорю вам это не чтобы напугать. Чтобы вы понимали: каждое решение там должно быть взвешенным. Не быстрым. Взвешенным.

Комната была очень тихой. За окном шумел город - ровно, равнодушно.

- Вы боитесь? - спросил он.

- Да.

- Хорошо. - Он закрыл папку. - Страх говорит вам, где край. Слушайте его.

Он достал из кармана бархатный футляр и положил на стол. Потом конверт.

- Откройте.

Я открыла футляр. Изумруды в золоте - тяжёлые, старые, явно не новые.

- Легенда требует статуса. Не нового - унаследованного. Носите их так, будто они перешли от прабабушки. Алисия Валенсиано из состоятельной семьи. Это часть того, почему Корелли её примет. - Он кивнул на конверт. - Здесь деньги на первые расходы до оплаты работы. Отдельно - для вашей матери. За её лечение уже внесена оплата от вашего имени.

Я смотрела на конверт и не притрагивалась.

- Это не обсуждается?

- Нет.

- Почему вы оплатили лечение. Это давление.

Он помолчал - секунду, не больше.

- Да. Это давление. И это единственный способ гарантировать, что вы не исчезнете через неделю, потому что вам нужно будет вернуться к ней. Теперь не нужно. - Он посмотрел на меня прямо. - Я не буду делать вид, что это чистая сделка. Она не чистая. Но условия вы знаете.

Это было хуже, чем если бы он солгал. Ложь я бы почувствовала. Это была правда, упакованная в правду - и от неё некуда было деться.

Я взяла конверт.

Он кивнул - коротко, без торжества.

- Едем. Покажу квартиру, вещи возьмите.

Луп. Девятый этаж. Тяжёлый известняковый фасад, внизу река блестела как разлитое масло.

В лифте - старом, с решётчатыми воротами, которые нужно закрывать вручную - я держала изумруды в кулаке. Холодные. Тяжёлые. Чужое. Пока чужое.

Харпер провёл меня по комнатам молча. Высокие потолки, лепнина, паркет тёмного дерева. Мебель добротная, без лишнего. На подоконнике стояла пепельница - чистая, но с тонкой желтоватой каймой внутри. Кто-то жил здесь до меня. Кто-то, кто курил и смотрел на реку.

Я понимала, что он оценивает - запоминаю ли я планировку, считаю ли выходы.

Я считала.

У двери он протянул ключи.

- Здесь будете жить. В блокноте на столе - всё что нужно знать об Алисии Валенсиано. Выучите до завтра. Завтра в семь вечера начнём работать с легендой.

Я взяла ключи. Он уже повернулся к лифту, когда я сказала:

- Том.

Он остановился. Я впервые назвала его по имени - мы оба это заметили. Он не обернулся. Просто стоял - спиной ко мне, лицом к закрытым воротам лифта.

- Если я не справлюсь...

Я не закончила.

Пауза. Потом - ровно, в стену:

- Справитесь.

- Вы не знаете этого.

- Нет, - согласился он. - Не знаю.

Он обернулся - посмотрел без утешения, без попытки смягчить.

Ворота лифта лязгнули. Он шагнул внутрь.

- Под ковриком найдёте револьвер. Тридцать восьмой калибр. К концу недели научитесь разбирать вслепую.

- Зачем бухгалтеру?

- Потому что бухгалтер - это то, кем вы будете выглядеть, а не то, кем вам придётся быть.

Ворота закрылись.

Я долго стояла в пустой квартире, держа ключи в кулаке.

За окном Чикаго дышал ровно и глубоко - безразличный к тому, что я только что согласилась стать кем-то другим ради возможности найти то, что убило моего отца двадцать лет назад.

Я вставила ключ в замок. Повернула.

Дверь открылась в чужую жизнь - мою с этого момента.

Страх никуда не делся. Но что-то под ним уже не ждало.

Оно начало считать.

Глава 2 Кузница легенды

Первое, что он сделал - переставил мебель.

Я не сразу заметила. Вернулась из душа, и что-то было не так - стол стоял на полметра левее, кресло развёрнуто к окну. Потом поняла: он выстраивал пространство под задачу. Никакого уюта. Никаких случайных углов, где можно спрятаться. Учебный класс. Камера. Арена.

- Садись, - сказал он, не оборачиваясь.

Раскладывал что-то на столе - папки, карточки, фотографии лицом вниз. Я заметила, что он перешёл на «ты» без предупреждения. Просто - как переставил мебель. Потому что так нужно. Я решила, что это тоже часть урока.

Я села. Молча.

- Имя.

- Алисия Валенсиано.

- Возраст.

- Двадцать восемь.

- Где родилась.

- Майами. Район Корал-Гейблс.

- Улица.

Я запнулась - одну секунду, крохотную, почти незаметную. Он обернулся.

- Вот здесь тебя убьют, - сказал он без интонации. - Не на улице с оружием. За столом, на ужине, когда кто-нибудь спросит: «О, Корал-Гейблс? Я там вырос - какая улица?» - и ты сделаешь вот это. - Он скопировал мою паузу с пугающей точностью. - Повтори.

- Авенида Сегунда, двенадцать.

- Цвет дома.

- Белый. С синими ставнями.

- Собака была?

Я открыла рот.

- Думай быстро. В таких домах держат собак.

Я видела его лицо - он ждал. Не проверял легенду. Он смотрел, как я реагирую на пустоту.

- Лабрадор, - сказал он сам, не дав мне утонуть. - Рыжий. Звали Манго. - Короткая пауза.

- Запомни. Это теперь твоё.

Что-то в этом жесте - в том, как он заполнил пустоту прежде, чем я упала, - было другим. Не холодным. Я убрала эту мысль и кивнула.

- Манго. Рыжий лабрадор.

Он перевернул первую фотографию. Немолодой мужчина. Широкое лицо, седые виски, взгляд человека, привыкшего ждать. Снимок был сделан на улице - он не знал о камере.

- Луис Мартинес. Запомни лицо. Он единственный человек в этой операции, который может тебя уничтожить, не желая этого.

Легенда строилась слоями - каждый закрывал следующий. Снизу - факты, которые можно проверить: колледж в Майами-Бич, диплом по финансам, адрес, налоговые записи. Том открыл папку - документы были настоящими. Не поддельными. Настоящими, выписанными на имя человека, которого не существовало. Почти.

- Эти документы реальны. Не легализованные копии. Оригиналы.

- Как?

Он посмотрел на меня - долго, оценивающе.

- Алисия Валенсиано существовала.

Пауза легла между нами как третий человек в комнате.

- Существовала, - повторила я.

- Да. - Он закрыл папку. - Двадцать восемь лет. Майами. Финансовый аналитик. Дочь Рикардо Валенсиано - издателя, который умер от сердечного приступа два года назад. - Пауза. - Три месяца назад она пропала. Тело нашли в заливе. Официально - несчастный случай. Мы знаем, что нет.

Я молчала.

- Её убили, - сказала я наконец. Не вопрос.

- Да.

- Кто?

- Пока неизвестно. Не наш приоритет на данный момент. - Он сказал это ровно, как говорят о погоде. - Наш приоритет - то, что её смерть даёт нам идеальную легенду. Документы настоящие. История настоящая. Мартинес помнит её живой - это делает рекомендацию железной.

Я смотрела на папку. Где-то там была фотография - настоящая Алисия Валенсиано. Я не просила её показать. Он не предложил.

- Ты надеваешь её имя, - сказал Том. - Не её жизнь. Помни разницу.

- А если Мартинес заметит?

- Он видел её последний раз, когда ей было восемнадцать. На выпускном вечере - Рикардо позвал его. - Он взял следующую фотографию, перевернул. - Он помнит девочку. Ты - женщина. Люди видят то, что хотят видеть. Особенно когда хотят сделать доброе дело для старого друга.

Я подумала о старике с фотографии. О том, как он будет смотреть на меня и видеть дочь человека, которого любил. Как будет рад её устроить. Как не будет знать.

- Он не знает, что она мертва?

Том помолчал - секунду, едва заметную.

- Нет.

Второй снимок был другим.

Мужчина лет тридцати пяти - тридцати шести. Тёмные волосы, гладко зачёсанные назад. Костюм дорогой, но без показной роскоши - человек, которому не нужно доказывать. Серые глаза смотрели прямо в камеру - спокойно, абсолютно пусто. Едва заметный шрам рассекал левую бровь. Старый. Давно заросший.

Он улыбался на фотографии. Улыбка не достигала глаз.

- Винсент Корелли. Глава *La Mano*. Публично - наследник дядиного дела. Официально владеет логистической компанией, двумя складами в порту, рестораном в центре. Всё чисто на бумаге.

- А нечисто?

- Алкоголь. Игорный бизнес. Предположительно - оружие. - Пауза, короткая, взвешенная. - Именно поэтому нам нужен человек внутри финансов.

Я не отрывала взгляда от фотографии. В нём не было ничего очевидно страшного. Никакой демонстративной угрозы, никакого оружия в руках. Просто мужчина с пустыми глазами и шрамом, который давно перестал болеть.

Тридцать шесть лет. Моложе, чем я ожидала. Это почему-то было хуже.

- Давно во главе?

- Семь лет. - Том помолчал, ровно столько, чтобы я почувствовала: дальше будет что-то, что он взвешивает. - До этого - дядя. Моретти. Корелли был у него правой рукой.

- Добровольно?

- Это сложный вопрос. - Он не стал его разворачивать. - Его отец умер рано. Корелли было шестнадцать. Моретти взял его под опеку. - Пауза. - Что происходило в следующие тринадцать лет - мы не знаем точно. Он не оставлял следов.

Я снова посмотрела на снимок. Шестнадцать лет. Мёртвый отец. Тринадцать лет рядом с человеком, который взял тебя под опеку.

Шрам на брови был старым. Я подумала - откуда - и убрала эту мысль. Не моё дело.

- Он параноик, - сказал Том. - Не в клиническом смысле. В практическом. Не доверяет по умолчанию. Доверие нужно заработать - и он проверяет не словами, а наблюдением. Смотрит долго. Ждёт.

- Как он узнаёт, что можно доверять?

- Пока не знаем. Никто из наших не заходил достаточно близко. - Том взял третий снимок - таблицу, цифры. - Вот почему ты.

Я пробежала взглядом по цифрам. Поняла сразу: кто-то внутри организации воровал. Аккуратно. Небольшими суммами. Системно.

- Его люди подворовывают. Он это чувствует, но не может поймать, потому что все свои. Мартинес придёт к нему с рекомендацией: молодой специалист, дочь старого друга, умеет находить дыры. - Пауза. - Корелли возьмёт её. Ему нужен кто-то чужой - тот, у кого нет своих внутри. Тот, кому нечего красть.

- И я нахожу воров.

- Да. Реальная работа - лучшее прикрытие. И пока ищешь воров - смотришь на всё остальное.

Я снова посмотрела на фотографию. Пустые глаза. Шрам, который давно перестал болеть. Улыбка, которая ничего не обещает. Человек, который тринадцать лет не оставлял следов и семь лет держал в руках то, что убило моего отца.

- Он давит на людей, - сказал Том тихо. - Методично. Тихо. Пока они не начнут сомневаться в себе. Это его инструмент контроля. - Пауза. - Ты должна быть к этому готова.

- Как выглядит готовность?

- Ты не реагируешь. - Он встал, отошёл к окну. - Не на молчание. Не на взгляд. Не на паузу, которая длится на три секунды дольше, чем должна. Алисия Валенсиано выросла с отцом, который умел давить. Она знает: это просто воздух. Никакого веса.

- А если он начнёт проверять легенду напрямую?

- Мартинес подтвердит всё. Документы подтвердят всё. Твоя задача - подтвердить себя. - Он обернулся. - Именно поэтому ты здесь месяц, а не три дня.

Легенда строилась медленно. Поверх фактов - история. Отец-издатель. Мать в пансионе во Флориде. Никаких братьев и сестёр. Скандал с деканом - история с диктофоном, с тихой мстью, с уходом без объяснений. Я повторяла её снова и снова, пока слова не перестали жечь и не начали звучать как воспоминание.

- Повтори про декана. Без запинок.

- Декан Фишер пытался использовать влияние моего отца, чтобы склонить меня к близости. Когда отказала - пригрозил. Я собрала записи. Пригрозила в ответ. Он отступил. Среди студентов пошли слухи.

- Слышишь разницу?

- Да. Во втором варианте я не оправдываюсь.

- Именно. Констатируешь. Каждая фраза - факт. Не оправдание, не объяснение.

На семнадцатый день на стол лёг свёрток - звук металла о дерево. Тридцать восьмой калибр. Шесть патронов.

К концу третьего дня работы с оружием руки не слушались. Детали падали. Я опускалась на колени, собирала, начинала снова. На третий раз за час что-то внутри начало подниматься - не страх, не злость, что-то хуже. Ощущение, что руки уже не мои.

Дверь открылась. Том оценил ситуацию одним взглядом и сел рядом. Просто опустился на пол - и я отметила краем сознания, что он делает это слишком легко для человека, который всегда держит дистанцию.

- Дай.

Его руки были большими, но пальцы двигались точно - разобрал и собрал за тридцать секунд. Потом взял мои руки и наложил их поверх своих.

- Чувствуешь? Здесь фиксация. Не нажимай - поворачивай. Вот так.

Под холодным металлом его ладони были горячими. Я сосредоточилась на механике. Только на механике.

К концу недели я разбирала вслепую.

На двадцать первый день он сказал:

- Завтра. Шесть утра. Надень то, что не жалко испортить.

Полигон оказался бетонным ангаром на окраине - пропахшим порохом и старым металлом. Инструктор окинул меня взглядом и буркнул что-то себе под нос. Том не обернулся к нему - просто протянул мне наушники. В этом молчании было достаточно.

Первый выстрел случился раньше, чем я была готова. Грохот ударил физически. Отдача бросила руки вверх. Пуля ушла в молоко.

- Локти, - сказал Том сзади.

Он встал вплотную - его корпус образовал стену за моей спиной. Руки легли поверх моих - не грубо, не нежно, как ставят предмет на нужное место.

- Чувствуешь разницу? Ты зажимаешь. Оружие не враг. Пусть будет тяжёлым - не борись с весом, работай с ним.

Второй выстрел лёг в мишень. К концу часа последние три дали кучу.

Когда мы вышли, уже темнело. Инструктор курил у выхода - проводил нас взглядом, ничего не сказал. Том не обернулся.

Он кивнул на закусочную через дорогу. Я ожидала молчаливую дорогу домой. Вместо этого - деревянные столы с клеёнкой, меню под стеклом, радио на стойке. Кто-то убавил звук, и джаз едва просачивался сквозь шум кухни.

Он сел в дальний угол - спиной к стене, лицом к входу.

- В Майами ты ходила в такие места? - спросил он.

Я поняла сразу - не разговор. Проверка. Последний экзамен за день.

- Редко, - ответила я, и в голосе появилась та лёгкая небрежность, которую я репетировала. - Отец считал, что настоящая еда требует скатерти. Но я иногда ускользала - когда хотелось побыть собой, а не дочерью издателя.

- Куда ускользала?

- Кубинский ресторанчик на Калле Очо. Маленький. Хозяин знал меня по имени.

Он слушал - не так, как слушают на уроке. По-другому. Я уже начинала различать это «по-другому» - как различают оттенки одного цвета.

- Твой отец, - сказал он. - Он знал, кем ты станешь?

Вопрос был технический - про Алисию. Но интонация была другой.

- Нет, - ответила я. - Он думал, что знает. Издатели думают, что видят людей насквозь. Но меня читал неправильно. Принимал осторожность за мягкость.

Том посмотрел на меня. Маска инструктора - ровная, профессиональная - на секунду дала трещину. Не большую. Просто что-то в глазах - как будто слова попали не в легенду, а куда-то рядом.

- Мартинес, - сказал он, возвращаясь. - Он дружил с отцом Алисии двадцать лет. Помнит её девочкой. Для него эта рекомендация не работа. Это долг перед памятью друга.

- Он не знает.

- Нет.

Я подумала о старике с фотографии. Как он придёт к Корелли. Как будет говорить о девочке, которую помнит. Как не будет знать, что та девочка мертва, а её имя теперь моё.

- Это нечестно по отношению к нему.

Том посмотрел на меня - ровно, без осуждения и без оправдания.

- Да, - сказал он просто.

Не добавил ничего. Я смотрела на его руки - спокойные, без лишних движений. Подумала: он давно живёт с этим. Не примирился - просто перестал спорить.

Мы доели в молчании.

Вышли молча. Чикаго встретил нас холодом и запахом мокрого асфальта. У лифта он остановился.

- Завтра последняя неделя. Живая отработка - ресторан, переговоры, давление. - Пауза.

- Вопросы?

- Один. Мартинес встретится со мной до того, как я пойду к Корелли?

- Да. Короткая встреча, нейтральная территория. Он должен тебя увидеть.

Том уже повернулся к лифту, когда я спросила - негромко, не планируя:

- Он любил её? Мартинес. По-настоящему.

Том остановился. Не обернулся сразу. Долгая пауза - та самая, которую я научилась не заполнять.

- Да, - сказал он наконец. Тихо. - По-настоящему.

Дверь лифта закрылась.

Квартира встретила меня темнотой и запахом чужого пространства, которое я всё ещё не научилась считать своим.

На следующий день была запланирована встреча с Мартинесом.

Ресторан назывался «Белла Наполи» - не вывеска, просто медная табличка у двери. Внутри пахло чесноком и старым деревом. Я пришла на десять минут раньше.

Мартинес уже сидел.

Фотография его не солгала - широкое лицо, седые виски. Но фотография не передала одного: как он поднялся, когда увидел меня. Не из вежливости. Из чего-то другого.

- Алисия. - Голос тёплый, немного хриплый. - Боже мой. Ты стала вылитая мать.

Я улыбнулась - не широко, чуть. Так, как улыбаются когда слышат это не впервые.

- Дон Луис.

- Просто Луис. - Он взял мои руки в свои - секунду, не дольше. - Садись, садись. Я уже заказал кофе. Ты пьёшь кофе?

- Да.

Он смотрел на меня - с той тихой радостью, которая хуже всего. Не проверял. Просто смотрел и видел то, что хотел видеть.

- Твой отец писал мне о тебе, знаешь. До самого конца. - Пауза - короткая, светлая, не тяжёлая. - Говорил: она умнее нас обоих. Просто ещё не знает об этом.

- Он преувеличивал.

- Рикардо никогда не преувеличивал. - Мартинес отпил кофе. - Ты надолго в Чикаго?

- Зависит от работы.

- Да, да. - Он кивнул. - Именно поэтому я тебя и позвал. - Взял салфетку, промокнул губы - привычка человека, который не торопится. - Корелли серьёзный человек. Не прост. Но если он тебя возьмёт - это хорошее место. Стабильное.

- Вы ему доверяете?

Он посмотрел на меня - взвешивающе, без обиды.

- Я ему полезен. Это другое. - Пауза. - Но он не трогает тех, кто работает честно. Это я знаю точно.

Кофе был горячим и крепким. Я держала чашку двумя руками.

- Он ждёт тебя завтра, - сказал Мартинес. - Утром. Девять часов. Офис на Мичиган-авеню, третий этаж. - Короткая пауза. - Не опаздывай. Он не говорит об этом вслух, но замечает.

- Хорошо.

- И вот ещё. - Он наклонился чуть вперёд - негромко, доверительно, без тени угрозы. - Он будет молчать дольше, чем ты ожидаешь. Это не проверка. Просто он так думает. Не заполняй тишину.

Я кивнула.

Он откинулся назад и снова посмотрел на меня - с той же тихой радостью.

- Твой отец был бы рад тебя видеть такой. - Сказал просто, без театра. - Собранной.

Я улыбнулась второй раз. Эта улыбка далась легче первой. Это было плохим знаком.

Мы вышли через двадцать минут. Он поймал такси, помахал рукой - по-стариковски, широко. Я подождала пока машина не завернёт за угол.

Потом пошла домой.

Вечером я разложила всё на кровати.

Костюм - тёмно-серый, шерсть, узкий в плечах. Том выбирал сам: *не чёрный, чёрный читается как траур или претензия*. Блузка белая, воротник закрытый. Туфли - каблук средний, устойчивый. Роговые очки, не круглые - прямоугольные, строгие.

Папка с документами. Портфель - кожаный, без украшений.

Я проверила всё дважды.

Девять утра. Мичиган-авеню, третий этаж. Не заполняй тишину.

Мартинес смотрел на меня и видел дочь человека, которого любил. Видел девочку, которая выросла. Видел то, что хотел видеть.

Я дала ему это. Легко. Почти без усилий.

Это тоже было плохим знаком.

Я долго стояла у окна. За стеклом Чикаго - огни, силуэты, далёкий гудок с озера. Где-то там был порт. Где-то там были склады и человек с серыми глазами и старым шрамом на брови, который тринадцать лет не оставлял следов и семь лет держал в руках то, что убило моего отца.

Я думала об Алисии Валенсиано. О девочке, которую помнит Мартинес. О женщине, которую нашли в заливе.

Ты надеваешь её имя. Не её жизнь. Помни разницу.

Я повторила это про себя - как повторяют адрес, который нельзя забыть. Потом пошла собирать чемодан.

В коридоре было узкое зеркало - неизбежное.

Элис Грейсон смотрела на меня в последний раз. Женщина с именем Алисия Валенсиано держала спину прямо. Её лицо не говорило ничего лишнего. Её отец умер. Её собака была рыжей. Её улица была белой с синими ставнями.

Я запомнила её хорошо.

Глава 3 Архитектор хаоса

Кабинет пах властью.

Не порохом и не дешёвым одеколоном - сложной смесью дорогой кожи, трубчатого табака и стерильной чистоты, которая стоит целое состояние. Я отметила это автоматически, как отмечают детали легенды: запах говорит о человеке раньше, чем он успевает открыть рот.

Я замерла на пороге, позволяя массивной дубовой двери закрыться за мной с мягким щелчком. Огляделась. Стол - массивный, без единой лишней бумаги. Кресло напротив - чуть ниже хозяйского. Намеренно. Книжные полки без случайных корешков. Каждая деталь на месте. Человек, который выстраивает пространство под задачу.

Я знала таких людей.

Винсент Корелли стоял у окна спиной ко мне. Не сидел за столом - стоял. Это тоже было решением. Он не принимал меня. Он давал мне время понять, куда я пришла.

Я дала ему эту паузу и не заполнила её.

- Мистер Корелли. Прошу прощения за опоздание. Пробки на Мичиган-авеню. Я решила, что покрываю дорожку несколько минут.

Он медленно повернулся. Движение без суеты - человек, у которого нет причин торопиться. Взгляд прошёлся по мне один раз, сверху вниз: губы, жемчуг, ткань пальто. Не оценка. Инвентаризация.

Молчание затянулось на три секунды дольше, чем нужно для вежливости.

Это просто воздух, - говорил Том на инструктаже. *Никакого веса. Просто воздух между вами.*

- Садитесь, - произнёс он наконец.

Голос низкий, с хрипотцой. Не приглашение - приказ, произнесённый тихо.

Он обогнул стол и опустился в кресло. Я села напротив, расправила юбку, выпрямила спину. Не потому что нервничала. Потому что Алисия Валенсиано держала спину прямо всегда.

Корелли стукнул костяшками по столу - коротко, один раз. Секретарша появилась немедленно, внесла кофе и исчезла - бесшумно, как тень. Он не посмотрел на неё. Она не ждала, что посмотрит.

- Мартинес рекомендовал вас. - Он взял свою чашку, не торопясь. - Мне плевать на рекомендации. Меня интересует результат.

Папка скользнула через стол. Три метра. Бросок, не передача.

Я встала, подошла, взяла. Вернулась на место. Села. Открыла.

Внутри был хаос: выписки, накладные, квитанции за три года, сваленные без системы. Или - с системой, которую нужно было найти.

Десять секунд.

- Ваша система учёта уязвима. Любой аудитор вскрыет схемы за неделю. Поток наличности пересекается со счетами легальных компаний слишком часто. Создаётся след. - Я закрыла папку. - Следы убивают бизнес тихо. Сначала один запрос. Потом второй. Потом визит, которого никто не ждал. Кроме того - ваши люди воруют. По мелочи. Это не проблема сумм. Это проблема структуры: если крысы нашли лазейку, значит, мышеловка уже не работает.

На его лице что-то изменилось. Не улыбка - сужение внимания.

- Продолжайте.

Я взяла лист бумаги. Достала карандаш.

- Три независимых контура. Операционный, резервный, накопительный. Никакого пересечения. Каждый - свои каналы, свои операторы, своя отчётность. Плюс новая сеть фиктивных контор. Забудьте про строителей - слишком очевидно. Нужно что-то скучное. Прачечные.

Химчистки. Огромный оборот наличности, который никто не будет проверять, потому что это неинтересно. - Я подвинула схему через стол. - Полгода. Полная замена бухгалтерии. Аудит всех контрактов. И два-три человека, которых придётся уволить. Их имена - через две недели доступа к книгам.

Тишина.

Он взял листок. Не посмотрел на схему. Смотрел на меня.

Я не считала секунды. Просто ждала.

- Где вы учились считать чужие деньги?

Вопрос пришёл неожиданно. Не про схему - про меня.

- Майами-Бич. Финансы. - Я опустила взгляд на чашку. - И у отца. Он был издателем. Люди думают, что издательское дело про книги. На самом деле - про то, кому сколько должны и почему никто не платит вовремя.

- Ваш отец умер.

Не вопрос. Он это знал. Проверял реакцию.

- Два года назад. Сердечный приступ.

- Вы были близки?

Секунда. Ровно секунда - я позволила ей пройти, не заполняя.

- Он думал, что да.

Корелли отложил бумагу.

- Вы интересный экземпляр, мисс Валенсиано. Холодная. Расчётливая. - Он взял чашку. Поставил обратно. - Или достаточно глупая, чтобы не понимать, куда пришли.

- Я понимаю, куда пришла.

Он встал одним движением - резким, без предупреждения. Я осталась сидеть.

- Вы приняты. Оклад вдвое выше рынка. Работаете отсюда. - Он протянул руку. - Приступаете сегодня.

Контакт был кратким и сухим. Сильным ровно настолько, чтобы обозначить условия.

- И ещё кое-что.

Его взгляд изменился. Стал другим по качеству.

- Второе опоздание будет последним.

Он не добавил ничего. Не нужно было.

- Я поняла, мистер Корелли.

Он кивнул. Потом позвонил в маленький колокольчик на краю стола.

- Рико. Зайди.

Рико появился через минуту - широкоплечий, в тёмном костюме, который сидел на нём как броня, а не одежда. Лицо непроницаемое. Глаза быстрые. Я заметила: входя, он сместился влево от дверного проёма - автоматически, не думая. Привычка тела, которая вырабатывается не в конторах.

- Покажи мисс Валенсиано её кабинет. Познакомь с бухгалтерией. - Корелли уже смотрел в окно.

Рико кивнул - коротко, без слов - и обернулся ко мне.

- Прощу.

Коридор за дверью был длинным и тихим. Паркет не скрипел. Стены - тёмное дерево, никаких украшений. Рико шёл чуть впереди - не рядом, не сзади. Ровно настолько, чтобы я понимала: он ведёт, я иду следом.

- Давно у него работаете? - спросила я.

- Достаточно.

Не грубость. Просто граница.

Мой кабинет располагался в конце коридора - угловой, с двумя окнами. Меньше хозяйского, но не маленький. Стол чистый. На нём - стопка папок, уже ждала.

- Папки за последний квартал, - сказал Рико, не заходя. - Босс хочет обзор к пятнице. Я прошла внутрь. Огляделась. Окна выходили на улицу и на переулок - оба просматривались. Стул у стены был лишним: для посетителя или для охраны. Я ещё не знала.

- Смежный кабинет, - сказал Рико из дверей. - Бухгалтерия.

Смежный кабинет был другим миром.

Там, где у Корелли стояла тишина и запах власти, здесь - запах бумаги, чернил и холодного кофе в жестяных кружках. Четыре стола, четыре человека. Все подняли головы одновременно - как поднимают, когда входит кто-то чужой.

Первым встал мужчина у дальнего стола. Лет сорока, сутулый, в очках с треснувшей оправой, перемотанной изолентой. Руки у него были в чернилах - не от сегодняшнего дня.

- Эдди Марш. - Он кивнул вместо рукопожатия. - Операционный учёт.

Молодой, с быстрыми руками и взглядом, который успел оценить меня раньше, чем я успела заметить, просто поднял два пальца.

- Пит. Я считаю то, что остальные не хотят считать.

Я не спросила, что именно. Пока не нужно.

Женщина у окна не встала. Просто посмотрела - прямо, без улыбки. Лет тридцати пяти, волосы убраны жёстко, как у человека, которому некогда думать о волосах.

- Глория Сантос. Расчёты с поставщиками.

Четвёртый стол стоял ближе к двери - немного в стороне от остальных, как будто его хозяйка сама выбрала это расположение и никого не спрашивала. За ним сидела женщина лет пятидесяти пяти. Прямая спина. Волосы, убранные с такой тщательностью, что казались приклеенными. Очки на цепочке. Руки сложены на столе - аккуратно, нарочито. Она смотрела на меня так, как смотрят на пятно на только что выстиранной скатерти.

- Миссис Хиггинс, - сказала она. - Главный бухгалтер. - Она дала слову повиснуть в воздухе. - Двенадцать лет.

Последнее слово она произнесла отдельно. Как ставят печать.

Я кивнула ей так же, как кивала остальным. Ровно. Она это заметила - и в её взгляде что-то чуть сдвинулось. Не злость. Хуже: терпение человека, который умеет ждать.

- Мисс Валенсиано будет работать с общим доступом к книгам, - сказал Рико за моей спиной. Не объяснение. Инструкция. - Всё, что она запросит - предоставляете.

Глория посмотрела на него, потом на меня. Ничего не сказала.

Миссис Хиггинс открыла ящик стола, достала ручку и начала что-то писать - методично, не торопясь. Как человек, у которого слишком много дел, чтобы тратить время на новых сотрудников. Особенно таких.

Дверь закрылась.

Я осталась стоять в смежном кабинете с четырьмя людьми, которые снова уткнулись в свои бумаги - слишком быстро, слишком аккуратно. Как люди, которые умеют делать вид, что не смотрят, и при этом не пропускают ничего.

Я вернулась к себе. Открыла первую папку.

Эдди считал аккуратно - его цифры сходились до копейки, без зазоров. Глория работала с пропусками: суммы, которые появлялись без объяснений и исчезали с той же лёгкостью. Не большие. Именно поэтому - опасные. Маленькие суммы не вызывают вопросов. Маленькие суммы накапливаются. Пит почти не оставил следов - его колонки были безупречны, слишком безупречны для человека, который считает то, что остальные не хотят считать. Я сделала пометку карандашом на полях и сразу стёрла.

Папки миссис Хиггинс лежали отдельной стопкой - она принесла их сама, без просьбы, минут через двадцать после того, как я начала работать. Поставила на край стола без слова. Я подняла взгляд. Она уже уходила.

Я открыла верхнюю папку. Двенадцать лет безупречной работы смотрели на меня с каждой страницы - ни одной ошибки, ни одного пропуска, ни одного лишнего знака. Абсолютный порядок. Памятник самой себе.

Это был не подарок. Это было предупреждение.

В час Рико был у входа.

Кадиллак стоял у тротуара - чёрный, без украшений. Я села на заднее сиденье. Рико - за руль. Прежде чем тронуться, он бросил взгляд в зеркало - не на меня, на улицу за машиной. Потом в боковое. Потом вперёд. Треугольник. Каждый раз в одном порядке.

Корелли появился через минуту - вышел из здания, сел рядом со мной, не торопясь. Дверь закрылась. Машина тронулась.

Мы ехали молча.

Ресторан оказался в подвале неприметного здания на Уобаш - никакой вывески, просто номер на двери. Швейцар открыл прежде, чем мы подошли. Метрдотель провёл в отдельную кабинку в глубине - без окон, без соседей, без лишних ушей.

Корелли снял пальто. Без пальто он выглядел иначе - не мягче, но как-то точнее. Меньше костюма, больше человека.

Он не открывал меню. Просто кивнул метрдотелю - тот ушёл, и через несколько минут принесли еду, которую никто не заказывал. Здесь знали, что он ест.

- Познакомились с бухгалтерией?

- Да.

- И?

Я подождала секунду - ровно столько, чтобы ответ звучал как наблюдение, а не как доклад.

- Марш работает честно. Глория Сантос делает пропуски - намеренные или нет, пока не знаю. Пит умеет быть невидимым. Это либо ценное качество, либо опасное.

Корелли взял вилку.

- А Хиггинс?

- Двенадцать лет безупречной работы. Принесла мне папки сама, без просьбы.

- И?

- Человек, который работает безупречно двенадцать лет, либо честен до мозга костей, либо очень хорошо знает, что именно прятать.

Он посмотрел на меня иначе, чем утром. Не сканировал. Просто смотрел - как смотрят на вещь, которая оказалась сложнее, чем ожидали.

- Почему не спросили меня о них?

- Потому что вы бы сказали то, что считаете нужным. Я предпочитаю составлять мнение сама.

- Почему Чикаго?

- В Майами все ленивы. Здесь люди умирают на улицах, пока другие делают состояния. Цифры в условиях хаоса становятся либо оружием, либо причиной краха.

- А вы предпочитаете оружие.

- Я предпочитаю понимать, что у меня в руках.

Принесли второе. Он ел не торопясь. Он никогда не делал двух вещей одновременно. Ел - значит ел. Смотрел - значит смотрел. Полное внимание к одной вещи в один момент.

Потом - неожиданно, между первым и вторым блюдом:

- У вас есть сестра?

Я подняла взгляд. Вопрос был не про легенду - я чувствовала это. Он знал ответ. Он смотрел на то, как я отвечаю.

- Нет.

- Никогда не хотели?

Я поставила вилку на край тарелки.

- Одиночество удобнее. За него не приходится отвечать.

Он смотрел на меня - долго, молча. Я не отвела взгляд. Не потому что было легко. Потому что Алисия Валенсиано не отводила взгляд.

Под рёбрами что-то сжалось - коротко, почти незаметно. Не страх. Что-то похожее на узнавание.

Он первым вернулся к еде.

- Хочу видеть план по прачечным. Сегодня.

После обеда кабинет стал другим.

Тише. Или я стала другой - не знаю. Я разложила папки по краям стола, взяла чистый лист и начала считать. Не думать - именно считать. Цифры не врут и не проверяют легенды. Цифры просто есть.

Через два часа на листе было достаточно.

Не полный план - набросок. Три уровня, восемь точек входа, предварительные суммы оборота. Достаточно, чтобы показать: я понимаю, как это должно работать. Достаточно, чтобы он понял: я не трачу время.

Я взяла лист. Встала. Пошла.

У смежного кабинета остановилась - дверь была открыта. Миссис Хиггинс подняла голову. Посмотрела на меня поверх очков - медленно, оценивающе.

- У нас принято стучать, - сказала она.

- Приму к сведению, - ответила я.

Она вернулась к бумагам. С достоинством человека, который только что поставил точку в важном разговоре.

Дверь в кабинет Корелли была закрыта. Я постучала.

- Войдите.

Он сидел за столом - не у окна, как утром. Работал. Перед ним лежали бумаги, ручка была в руке. Он поднял взгляд - без удивления. Как будто ждал.

Я подошла к столу и положила лист.

- Набросок. Три уровня, восемь точек входа. Предварительные цифры - под фактический оборот нужен полный доступ к книгам, но общая схема уже читается.

Он взял лист. Читал - долго, не торопясь. Я стояла и не садилась. Не потому что не предложили. Потому что стоять было правильнее.

Он отложил бумагу. Посмотрел на меня.

- Рико.

Дверь открылась - Рико был снаружи, или появился немедленно, я не поняла.

- В пять едем в банк. - Корелли не смотрел на него. Смотрел на схему. - Позвони Ферро. Пусть подготовит документы на три компании. - Он взял лист со стола и протянул Рико. - Передай ему это заранее.

Рико взял бумагу, кивнул и вышел.

Корелли откинулся на спинку кресла.

- Ваши подписи тоже нужны. Будете представлять финансовый отдел.

Это не было вопросом.

- Хорошо.

- В пять у входа.

Я кивнула и повернулась к двери.

- Мисс Валенсиано.

Я остановилась. Не обернулась сразу - секунда, не больше.

- Да?

- Хорошая работа, - сказал он. Ровно. Как говорят о погоде.

Я обернулась. Он уже смотрел в бумаги.

Я вышла.

В коридоре я остановилась на секунду - прислонилась плечом к стене и выдохнула. Не потому что устала. Потому что нужно было выдохнуть, прежде чем снова стать Алисией Валенсиано, которая не прислоняется к стенам в коридорах.

Хорошая работа.

Два слова. Без интонации. Без улыбки.

Я дошла до своего кабинета и открыла следующую папку. Цифры встали на место сразу. Это было хуже, чем если бы не встали.

Банк находился в неприметном кирпичном здании в Голд Косте. Никаких вывесок. Обычная дверь с бронзовой ручкой.

Швейцар у входа держался слишком прямо, секретарша в приёмной сжимала папку обеими руками. Так не стоят, когда ждут. Так стоят, когда уже ждут давно.

Управляющий ждал в отдельном кабинете. Деревянные панели, кожаная мебель, запах старых денег. Он был немолодым - очки в золотой оправе, костюм, который когда-то был дорогим. Когда Корелли вошёл, управляющий встал так резко, что едва не задел стул.

- Мистер Корелли. Всё готово.

Его руки держали папку с документами. Пальцы не дрожали - они были плотно сжаты вокруг края бумаги, чтобы не дрожали.

- Показывайте, - сказал Корелли.

Он не сел. Встал у окна - почти так же, как утром в своём кабинете. Та же позиция. Тот же способ занять пространство, не двигаясь.

Я подошла к столу.

- Три компании. Прачечные - основной источник наличности. Грузоперевозки - движение. Траст - хранение. Все три автономны. Никаких пересечений в отчётности.

Я брала документ за документом. Объясняла. Управляющий кивал - часто, мелко. Его взгляд каждые несколько секунд уходил к Корелли и возвращался. Как у человека, который проверяет, не изменилась ли погода.

- Подписывайте, - сказал Корелли.

Управляющий подписал первый лист. Потом второй. На третьем ручка скользнула - подпись размазалась по бумаге.

- Простите, сэръ

Корелли не ответил. Просто смотрел.

Этого оказалось достаточно.

Управляющий взял новый лист и подписал снова. Ровно. Быстро.

Корелли достал из кармана конверт. Положил на стол.

- Эти деньги - на открытие счетов. Любая информация об этих компаниях - билет в один конец.

Он не повысил голос. Он никогда не повышал голос. Я начинала понимать: именно поэтому его слушали так внимательно.

Когда мы вышли, я обернулась. В стеклянной двери отразился управляющий - он стоял неподвижно и смотрел нам вслед. Его рука медленно поднялась к груди.

Я отвернулась.

Власть - это когда люди крестятся тебе вслед.

В машине было тихо.

Рико вёл. Корелли сидел рядом со мной - не близко, просто рядом, как сидят люди в одном пространстве, которое принадлежит одному из них. За окном тянулся Голд Кост - особняки, фонари, первые огни в окнах. Темнело рано.

Я смотрела в стекло.

- Вы его напугали, - сказала я.

Не обвинение. Просто наблюдение. Как будто говорю о погоде.

Тишина.

В зеркале заднего вида мелькнул взгляд Рико - быстрый, почти незаметный. Он тут же вернул глаза на дорогу.

Корелли не обернулся. Не ответил. Просто смотрел вперёд - спокойно, как смотрят на что-то, что давно перестало требовать слов.

Тишина осталась висеть между нами. Но она изменила качество - стала другой. Не пустой.

Машина свернула на мою улицу.

Воздух в квартире был затхлым.

На кухонном столе лежала моя папка.

Том был здесь раньше. Я бросила сумочку на диван и заметила в кресле у окна тлеющую сигарету - оранжевую точку в темноте.

- Ты мог бы включить свет.

Тени шевельнулись.

- Ждал три часа. Тыне вышла на связь.

Я слотнула. Постояла секунду у порога - не потому что ноги не держали, а потому что нужно было остановиться. Собраться. Понять, что первый день закончился и я стою в квартире, а не в кабинете.

Потом прошла к столу и села. Не рядом с ним. За столом.

Слова выходили отрывисто:

- Корелли. Обед. Бухгалтерия. Банк.

Каждое слово - отдельно. Том стоял у окна и слушал. Не перебивал. Когда я замолчала, он подошёл к плите.

Кипяток. Кружка. Ровно три ложки.

- Чай. Крепкий. С коньяком.

Он поставил кружку передо мной и вернулся к окну. В его кружке коньяка не было.

Пар поднимался спиралью. Я смотрела на него.

- Как проверял легенду?

- Спросил про сестру. - Я поставила кружку на стол. - Я ответила правильно.

- Уверена?

Я подумала - секунду.

- Уверена в том, что ответила. Не уверена в том, что он спрашивал именно это.

Том посмотрел на меня - долго, без комментариев.

- Бухгалтерия.

- Там четверо. Марш, Сантос, Пит и Хиггинс. Кто-то из них ворует. Хиггинс - либо нет, либо слишком умна. Пока не знаю.

Я посмотрела на огонёк его сигареты.

- Но Корелли меня об этом спрашивал. Значит, тоже не знает.

Том молчал - дольше обычного.

- Хиггинс, - повторил он. - Двенадцать лет?

- Да.

Он кивнул. Что-то убрал во внутренний карман. Встал.

- Отдыхай. Я пойду.

Он уже был в дверях.

- Том.

Он остановился. Не обернулся.

- Он принял план сразу, - сказала я. - Без вопросов. Без торга.

- Это хорошо или плохо?

Том помолчал - ровно столько, чтобы я поняла: он взвешивает, а не тянет время.

- Зависит от того, почему.

Дверь закрылась.

Я не двигалась.

Кружка остывала. За окном где-то далеко - звук, похожий на щелчок затвора. Или на ветку. Или на каблук по асфальту.

Я поднесла ладони к лицу. Они пахли чужим табаком и бумагой.

Не страхом.

Я отметила это - спокойно, как отмечают детали чужой легенды.

Потом убрала руки. Допила чай. Пошла в спальню. Разобрала постель. Легла.

Лежала в темноте и думала не о Корелли. Думала о том, что сказала в машине.

Вы его напугали.

Просто наблюдение. Как будто о погоде.

Он не ответил.

Я закрыла глаза.

Глава 4 Проект Чистота

Бухгалтерия картеля - не отдел.

Улей.

Со своей иерархией, своими сотами, своим гулом, который не прекращается никогда - просто меняет тональность в зависимости от того, кто вошёл.

Я вошла чужой. Это знали все, включая меня.

Мой кабинет был отделён от общего зала стеклянной перегородкой - достаточно прозрачной, чтобы видеть всё, и достаточно тонкой, чтобы слышать почти всё.

Миссис Хиггинс это знала. Она методично отсчитывала монеты на краю стола - не потому что ей было нужно их считать, а потому что звук заглушал стук клавиш, который она не хотела, чтобы я слышала. Клерки переговаривались вполголоса, прикрываясь папками с надписью «ВЫРУЧКА».

Глория Сантос ни разу не подняла голову за всё утро.

Враждебность здесь была рабочей. Как инструмент, который держат наготове.

Около одиннадцати дверь моего кабинета открылась без стука. Рико. В руках - небольшой стальной чемоданчик. Он не вошёл, поставил чемоданчик на край стола с глухим стуком, от которого качнулась чернильница.

- Боссу нужно знать их слабые места. - Голос ровный, без интонации. - Три букмекера с Вест-Сайда. Финнеган, ОРаили и Беппе. Босс хочет их территории.

Я не притронулась к чемоданчику.

- Я бухгалтер, Рико.

- Ты работаешь на босса. - Он наклонился вперёд, упираясь кулаками в столешницу. - А боссу нужно это.

Он ушёл. Дверь осталась открытой. Я встала и закрыла её сама.

Потом открыла чемоданчик.

Внутри было досье - плотное, аккуратное. Фотографии: семья Финнегана на пикнике у озера, жена ОРаили у витрины на Стейт-стрит, дети Беппе на пустыре. Под фотографиями - документы. Картель вёл наблюдение за конкурентами методично и давно: адреса, имена, банковские выписки, счета.

Я разложила бумаги по столу и начала читать.

ОРаили держал деньги в наличных - никаких банков, никаких следов. Беппе был чист на бумаге, но его цифры не сходились уже второй год подряд: кто-то внутри тихо снимал сливки, и Беппе либо не знал, либо делал вид.

Финнеган был другим.

Джеймс «Костяшка» Финнеган был аккуратным человеком. Его деньги были грязными, но он тратил их с демонстративной респектабельностью: дом в Оук-Парке, взносы в приходскую церковь, ежегодный взнос в клуб коммерсантов. Всё через банк, всё с квитанциями.

Именно там я и нашла зацепку.

В выписках за последние три года повторялся один и тот же платёж: «Гленкоу Хоспитал», две тысячи четыреста долларов ежеквартально. Получатель - Мэри Финнеган. Счёт открыт на её имя.

Я смотрела на цифры долго.

Регулярность говорила о хроническом лечении. Сумма - о том, что оно дорогостоящее. Мне не нужно было знать диагноз. Мне было достаточно даты следующего платежа.

Я выписала на чистый лист: имя клиники, номер счёта, получатель, дата. Сложила все фотографии и документы обратно в чемоданчик. Закрыла на защёлку.

Потом посмотрела на листок бумаги, который остался на столе.

За стеклянной перегородкой Хиггинс методично щёлкала рычажками арифмометра. Не смотрела в мою сторону. Но пауза между щелчками стала чуть длиннее.

Я убрала листок в ящик стола и открыла следующую папку.

После обеда мне понадобились архивные данные по поставочным контрактам за прошлый квартал. Согласно структуре бухгалтерии, которую я успела изучить за утро, архив вёл главный бухгалтер.

Я вышла в общий зал.

- Миссис Хиггинс. Мне нужны оригиналы контрактов по поставкам за первый квартал двадцать восьмого года.

Хиггинс не подняла головы. Пальцы продолжали двигаться по рычажкам.

- В архиве всё сложено по годам. Ищите сами.

В зале стало тише - не сразу, постепенно, как бывает, когда люди перестают делать вид, что не слушают.

- Я ваш руководитель, миссис Хиггинс. И я прошу вас выполнить вашу работу.

Хиггинс медленно подняла голову. Глаза за толстыми линзами - янтарные, острые. Она смотрела на меня так, как смотрят на документ, в подлинности которого сомневаются.

- Руководитель. - Она произнесла это слово без интонации, как зачитывают статью закона.

- Вы здесь без году неделя, мисс Валенсиано. Рекомендация мистера Корелли - это рекомендация. Не двенадцать лет работы.

Последние слова она произнесла отдельно. Как ставят печать.

Я стояла ровно.

- Если с этими контрактами что-нибудь случится - мистер Корелли узнает не о том, какие документы я просила. А о том, почему вы мне отказали.

Тишина.

Хиггинс смотрела на меня - долго, не мигая. Потом встала. Прошла к архивному шкафу. Вернулась с толстой папкой и положила её на край моего стола - аккуратно, без грохота. Это было хуже, чем если бы швырнула.

- Прошу, - сказала она. Ровно.

Я взяла папку и кивнула.

Когда я возвращалась к себе, то почувствовала её взгляд - не злой. Изучающий. Такой, каким смотрят на человека, которого ещё не решили, куда поставить.

Я подумала: она думает то же самое обо мне.

Рико вернулся за чемоданчиком в шестом часу. Я стояла у окна - река Чикаго внизу была тёмной, почти чёрной в октябрьских сумерках. Он взял листок с края стола двумя пальцами.

- Что это?

- Слабое место Финнегана. Платёж в «Гленкоу Хоспитал» за следующий квартал. Счёт на имя его жены. Две тысячи четыреста долларов.

Рико молчал. Читал цифры.

- Отдайте боссу, - сказала я.

Он ушёл, забрав чемоданчик и листок. Я осталась у окна.

Река не двигалась - или двигалась, но в темноте это было не видно.

Прошло не больше десяти минут.

Я услышала шаги в коридоре - не Рико, другой ритм - и обернулась за секунду до того, как дверь открылась.

Корелли.

Он не вошёл сразу. Остановился в проёме - высокий, неподвижный - и смотрел на меня так, словно только сейчас решал, зачем пришёл. Потом шагнул внутрь. Закрыл дверь. Не сел.

- Рико передал листок. - Он помолчал. - Гленкоу Хоспитал. Мэри Финнеган. Две тысячи четыреста в квартал.

Он помнил цифры наизусть.

- Нетривиально.

- Эффективно. Без шума. Без следов.

Корелли кивнул - едва заметно. Потом посмотрел на меня иначе - не на листок, не на стол. На меня. Пауза была на секунду длиннее рабочей.

- Через неделю хочу финальный план реструктуризации.

Он уже разворачивался к двери.

Я не должна была говорить. Но сказала.

- Беппе теряет деньги изнутри. Кто-то из своих. Уже два года.

Корелли остановился. Не обернулся сразу - пауза была намеренной, я это почувствовала.

Потом повернулся. Медленно. Посмотрел на меня так, как смотрят на карту, на которой внезапно обнаружился новый маршрут.

- Откуда.

Не вопрос. Констатация.

- Цифры не сходятся.

Он смотрел ещё секунду. Потом - едва заметно, почти ничего:

- Хорошо.

Дверь закрылась без звука.

Я выдохнула.

В кабинете остался лёгкий запах табака. За стеклянной перегородкой общий зал был пуст - все разошлись. Только в дальнем углу горела одна лампа.

Под ней сидела миссис Хиггинс. Что-то писала - методично, не торопясь. Потом подняла голову - один раз, коротко - и посмотрела прямо на меня сквозь стекло. Потом вернулась к бумагам.

Я надела пальто. Взяла сумку. Вышла.

Рико вёз меня домой в том же чёрном «Кадиллаке». Октябрьский Чикаго за окном был уже тёмным - фонари, мокрый асфальт, первые огни в окнах особняков на Голд Косте.

- Странная ты, Алисия. - Рико не обернулся. - Босс сам ходит к тебе - не через секретаршу. И старуха Хиггинс папку принесла. Я слышал.

- Я работаю с цифрами.

- Все здесь работают с цифрами. - Он хрипло усмехнулся. - Но не все возвращаются домой.

- А я возвращаюсь.

Я смотрела в окно. Небоскрёбы по обе стороны уходили в темноту - серые, молчаливые.

Рико высадил меня у угла Мичиган и Эри. Я подождала, пока «Кадиллак» скроется за поворотом.

Телефонная будка у аптеки Краузе была в полуквартале. Стекло было холодным. Я не заметила, когда успела к нему прислониться.

Харпер снял трубку после второго гудка.

- Финнеган, - сказала я. - Гленкоу Хоспитал. Мэри Финнеган, счёт на её имя. Ежеквартально - две тысячи четыреста. Следующий платёж - декабрь.

Пауза. Я слышала, как он пишет.

- Это всё?

- Беппе теряет деньги изнутри. Корелли ещё не знает кто. - Я помолчала. - Узнает скоро.

- Откуда у тебя Беппе?

- Досье. Корелли дал на троих конкурентов.

Пауза стала другой.

- Он дал тебе досье в первый день?

- Не мне. Рико принёс. Он хотел анализ.

- И ты его сделала.

Не вопрос. В голосе Харпера появилось что-то - не тревога, не похвала. Что-то между. Я не стала разбирать что именно.

За стеклом будки Мичиган-авеню шла своим чередом - автомобили, зонты, чьи-то каблуки по мокрому тротуару.

Я повесила трубку.

Мичиган-авеню в октябре пах мокрым камнем и углём из подвальных котельных. Я шла домой и думала не о Харпере. Не о Корелли.

О Хиггинс.

О том, что в её взгляде сквозь стеклянную перегородку не было злости. Только внимание - острое, терпеливое. Как у человека, который умеет ждать и знает, что ждать придётся долго.

Я подумала: мы думаем друг о друге одно и то же.

И ещё - мельком, почти без веса - что сегодня я дважды отдала одну и ту же информацию двум разным людям.

И оба раза это было правильным решением.

Это должно было меня насторожить.

Не насторожило.

Глава 5 Ржавчина на серебре

Месяц изменил не меня. Он изменил расстояния.

«Проект Чистота» работал. Три уровня счетов, четыре промежуточных держателя, ни одного прямого следа от наличных к Корелли лично. Схему я выстроила за первые две недели. Он прочитал один раз, сложил бумаги и сказал: «Запускай». Больше к этому не возвращались.

С тех пор он заходил в мой кабинет сам.

Глорию Сантос я вычислила на третьей неделе. Контракты по поставкам за первый квартал - те самые папки, которые Хиггинс принесла мне в первый день с изучающим взглядом. Глория снимала по мелочи: округляла суммы в накладных, разница оседала на счёте посредника которого не существовало. Аккуратно. Терпеливо. Почти незаметно.

Почти.

Я положила расчёты на стол Корелли в пятницу утром. Он прочитал не поднимая головы. Сказал одно слово. Глория не пришла в понедельник. Больше о ней не говорили.

Хиггинс в тот же день принесла мне утренний кофе без просьбы. Поставила. Ушла. Мы обе сделали вид что это ничего не значит.

Сегодняшний вечер не предвещал ничего особенного.

За окном октябрь доедал последние светлые часы. Я просматривала отчёт по клубу «Серая сова» - цифры расходились на восемьдесят долларов, где-то в прачечной. Восемьдесят долларов это не деньги. Восемьдесят долларов это привычка. Привычки меня беспокоили больше денег.

Дверь открылась без стука.

Корелли вошёл с бутылкой и двумя бокалами. Поставил на край стола так, будто это его стол. Здесь всё было его столом.

- Заканчивай. Сегодня ты работаешь до первой звезды.

Я не подняла головы сразу. Дала себе три секунды - дописать строку, поставить точку, закрыть папку. Три секунды это не дерзость. Это дистанция.

- У меня расхождение в «Серой сове».

- К чёрту «Серую сову», - он произнёс это без раздражения, почти лениво. - Если система не держится без тебя вечером пятницы - система выстроена неверно.

Я подняла голову.

Тени под его глазами были глубже обычного. Не усталость - бремя. Разница тонкая, но в цифрах я её видела всегда: усталость это временный минус, бремя это структурный долг.

Он налил коньяк ровно на два пальца. Подвинул бокал ко мне.

- «Хеннеси» 1915 года. Подарок от французского партнёра.

Я взяла бокал. Отказываться не стала - не потому что боялась, а потому что отказ потребовал бы объяснений, а объяснений у меня не было. Стекло было тёплым. Коньяк оказался именно таким, каким должен быть коньяк за который убивают на таможне.

- За что пьём?

- За порядок из хаоса, - сказал он, глядя мне в глаза.

Мы выпили молча.

Он отошёл к окну. Достал сигару, раскурил не торопясь. Огни города внизу отражались в стекле - два Чикаго, один поверх другого.

- Ты никогда не рассказываешь о себе, - сказал он наконец, не оборачиваясь. - Кто такая Алисия Валенсиано на самом деле?

Я знала этот вопрос. Ждала его с третьей недели.

- Я та, кем нужно быть в конкретный момент.

Он обернулся. Усмехнулся - не тепло, но без холода.

- Архитектор. Ты строишь конструкции так, что шва не найти. - Он сделал шаг от окна в свет моей лампы. - Это не бухгалтерия. Этому не учат в университете.

- Меня учила необходимость.

- Кто?

- Обстоятельства.

Он смотрел на меня секунду дольше чем требовал разговор. Потом:

- Где ты училась считать? По-настоящему считать - не складывать цифры, а читать за ними людей?

- Я говорила. Майами, отец держал...

- Нет, - он перебил тихо, без злости. - Ты говорила историю. Я спрашиваю тебя.

Пауза.

Его вопросы ложились точно: не туда где больно, а туда где пусто. Это было хуже.

- Ты помнишь суммы до цента за три квартала, - продолжил он, - но когда я спрашиваю про себя - ты путаешься. Почему?

- Я не путаюсь. Я выбираю что отвечать.

- Нет, - снова тихо. - Ты будто не помнишь.

Это был не вопрос.

Не помнишь...

Что-то сдвинулось внутри - не мысль, что-то под мыслью. Перед глазами мелькнуло: темнота, запах гари, чьи-то руки. Я убрала это немедленно. Поставила бокал на стол. Слишком резко - коньяк выплеснулся через край.

Корелли замер.

Я смотрела на растекающееся пятно на столешнице и думала только об одном: не двигаться. Не давать ничего больше.

Он не бросился ко мне. Не стал говорить. Он просто подошёл - медленно, как подходят к чему-то что может упасть - и взял мой бокал. Отставил. Потом положил руку на спинку моего кресла, не касаясь меня.

- Дыши, - сказал он. Не приказ. Почти.

Я дышала.

Когда подняла глаза, он смотрел на меня с выражением которое я не умела классифицировать. Не жалость. Не торжество. Что-то между узнаванием и осторожностью.

Он убрал руку со спинки кресла. Отошёл к столу, взял свой бокал. Долго смотрел в него.

- Завтра едем в Саут-Сайд, - сказал он наконец. - Встреча с поставщиками. Там будут люди Моретти.

Пауза.

- Если ты поедешь. Если не страшно.

Это было испытание. После моей слабости - испытание. Я это знала и ответила именно так, как должна была ответить Алисия Валенсиано:

- Я поеду.

Он кивнул. Достал из кармана узкий футляр. Положил на стол передо мной - не вручил, именно положил, как документ.

- Люди Моретти читают детали. Они должны видеть что ты неприкосновенна. Что ты под защитой.

Я открыла футляр.

Платиновое кольцо. В центре - чёрный бриллиант. Камень не блеснул - он поглощал свет. Я смотрела на него дольше чем следовало.

- Повернись.

Я повернулась.

Его пальцы коснулись шеи на секунду - только чтобы застегнуть замок. Металл лёг на ключицы холодной тяжестью.

Он обошёл меня и встал прямо перед креслом. Смотрел не на меня - на камень. Медленно провёл кончиками пальцев по грани бриллианта в ямочке между ключицами. Холодный металл. Не кожа.

Этот жест был точнее любого прикосновения.

- Завтра в семь. На парковке.

Он затушил сигару. Взял бутылку. Вышел.

Я сидела ещё минуту. Смотрела на пятно от коньяка на столешнице. Думала о том, что он сказал: *ты не помнишь*. Не спросил - сказал. Как будто знал.

Этого я ему не прощу, решила я. И не смогла объяснить себе почему именно это - а не всё остальное.

Я взяла пальто. Выключила лампу. Пятно на столешнице осталось - до утра.

Рико ждал у чёрного Кадиллака.

Всю дорогу до дома я смотрела в окно. Огни Мичиган-авеню скользили по стеклу и пропадали. Колье было тяжёлым. Я не сняла его.

Кадиллак остановился у подъезда. Рико вышел, открыл дверь. Я поднялась и сразу остановилась.

У входа стоял человек в тёмном пальто с поднятым воротником. Курил, пряча огонёк в ладони от ветра. Прямая осанка. Я узнала его раньше чем он обернулся.

- Рико, - сказала я не оборачиваясь. - Спокойной ночи.

Пауза. Я слышала как он оценивает ситуацию.

- Спокойной ночи, мисс Валенсиано.

Кадиллак уехал.

Я подошла к Харперу. Он обернулся за три шага до того как я дошла - старая привычка, он всегда чувствовал приближение сзади. Затушил сигарету каблуком об асфальт.

- Ты нарушил все протоколы, - сказала я тихо и ровно. - Рико видел тебя.

- Рико видел незнакомца у подъезда, - ответил он так же тихо. - Я ждал час сорок семь минут.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. На моей шее - колье Корелли, тёмный камень в свете фонаря.

Том увидел его. Я видела что он увидел.

- Что там произошло? - спросил он.

- Рабочая встреча.

- Алисия...

- Элис, - поправила я автоматически. Тут же пожалела. Здесь я была Элис только с ним. Это была привилегия которую я не планировала давать.

Том сделал шаг ближе. Не угрожающе - как человек который хочет видеть лицо собеседника в темноте.

- Наружное наблюдение зафиксировало: Корелли был в твоём кабинете больше часа. С коньяком. - Пауза. - Он не пьёт коньяк с бухгалтерами.

- Теперь пьёт.

- Элис. - Он произнёс имя как предупреждение. - Ты понимаешь что происходит?

- Я понимаю что делаю свою работу.

- Ты понимаешь что он с тобой делает.

Это тоже был не вопрос. Сегодня меня уже один раз так поправляли.

Я посмотрела на Тома - на его лицо в свете фонаря, на складку между бровями. Он стоял на ледяном ветру с озера. Час сорок семь минут.

- Завтра в Саут-Сайде встреча с поставщиками, - сказала я. - Там будут люди Моретти. Корелли берёт меня.

Том замер.

- Ты едешь к Моретти.

- Его людям. Это не одно и то же.

- Пока не одно и то же.

Ветер с озера нёс запах воды и чего-то горелого - где-то топили углём.

- Это возможность, - сказала я. - Ближе к Моретти я не подберусь иначе.

- Ближе к Моретти и ты не вернёшься, - сказал он. Просто. Без театра.

Я протянула руку и коснулась его рукава - не знаю зачем. Рефлекс. Способ сказать: я здесь, я в порядке, перестань. Том опустил взгляд на мою руку. Потом накрыл её своей ладонью поверх рукава. Одну секунду. Убрал.

- Как ты себя чувствуешь, - сказал он. Не спросил.

- Устала.

- Это не ответ.

- Это всё что у меня есть.

Он смотрел на меня долго. Потом кивнул - один раз, коротко - и отвернулся.

- Выходи на связь сразу после Саут-Сайда. - Голос ровный. Рабочий. - Любым способом.

- Хорошо.

Он пошёл прочь по тротуару. Не оглянулся.

Я смотрела ему вслед пока он не растворился за углом. Потом опустила взгляд на собственную руку - ту которой коснулась его рукава. Подняла к колью. Провела пальцем по холодному камню.

Два разных металла. Один тёплый от чужого пальто. Один холодный от ночного воздуха.

Я убрала руку. Вошла в подъезд.

В лифте посмотрела на своё отражение в тёмном стекле двери. Колье поймало свет лампы под потолком и не отдало его обратно.

Ты не помнишь.

Я помнила достаточно. Я помнила всё что нужно помнить. Остальное было не потерями - было выбором.

Я почти верила в это.

Глава 6 Саут-Сайдский блюз

Середина ноября превратила Чикаго в акварель серого и мокрого. Дождь шёл третий день не переставая - не ливень, просто мелкая, методичная морось, от которой не спасал ни зонт, ни пальто. К вечеру воздух пах размытым асфальтом и чьими-то чужими сигаретами.

Я стояла посреди своей квартиры и смотрела на платье, разложенное на кровати.

Не страх. Что-то другое - холоднее и острее. Предвкушение, которое я не собиралась называть своим именем.

Вчера Корелли сказал: *если не страшно*. Произнёс легко, почти небрежно, глядя куда-то поверх моей головы. Я промолчала. Это был единственный правильный ответ - и мы оба это знали.

Сегодня мне предстояло выйти с ним в свет. Не как бухгалтер.

Как женщина Корелли.

Я собиралась методично, как разбирала сложную схему. Шёлковое бельё. Чулки со швом - ровно, без перекаса. Платье: тяжёлый бархат, глубокое декольте, длинные рукава. Оно облегало так, словно было сшито под конкретное намерение. Макияж: тёмный карандаш, алая помада. Последним - колье. Платина и чёрный бриллиант. Камень лёг между ключицами холодным весом.

Я посмотрела в зеркало.

Алисия Валенсиано смотрела в ответ.

В семь вечера я спустилась в гараж. Винсент стоял у Alfa Romeo - в тёмном пальто, в руке стакан с остывшим кофе. Взгляд прошёлся по мне снизу вверх и задержался на лице. Не на платье. На лице.

- Уместно, - сказал он.

Не комплимент. Оценка инструмента перед работой.

Я села в машину.

- Правила простые, - произнёс он, не оборачиваясь, когда Alfa выкатилась из гаража. - Ты молчишь. Киваешь. Улыбаешься когда улыбаюсь я. Не задаёшь вопросов. Если скажу уйти - уходишь без слова.

- Я поняла.

- Нет. - Голос стал тише, и именно это заставило меня выпрямить спину. - Не поняла. Там будут люди которые за сотню долларов перережут горло собственной матери и не поморщатся. Они будут смотреть на тебя как на трофей. Ты должна быть холоднее льда. Ты должна быть моей тенью - и только.

Он повернулся ко мне на секунду. Серые глаза в темноте машины были почти чёрными.

- Если покажешь страх - я не смогу тебя прикрыть. Не потому что не захочу. Потому что будет поздно.

Я смотрела на дорогу впереди и думала, что он говорит это не как предупреждение. Как инструктаж перед операцией. И это было страшнее, чем если бы он угрожал.

Клуб «Чёрный бархат» располагался в подвале заброшенного завода в Саут-Сайде - туда, где Чикаго переставал делать вид что соблюдает приличия. Мы вошли через чёрный ход, и воздух сразу изменился: плотный, тёплый, пропитанный джином и дымом и чем-то приторно-сладким, что я предпочла не идентифицировать.

Зал был набит под потолок. Джаз-бэнд на эстраде гремел так, что вибрировал пол под каблуками. Красные фонари, кружева сигаретного дыма, смех который звучит слишком громко и слишком долго.

Когда мы вошли - тишина не упала. Она расплзлась. Медленно, от стола к столу, как чернила в воде. Люди не оборачивались резко - просто вдруг начинали смотреть в другую сторону. Бармен за стойкой нашёл себе срочное занятие. Музыканты не остановились, но что-то в ритме сбилось на такт и выправилось не сразу.

Корелли шёл сквозь этот зал как будто его не существовало.

Я шла рядом. Держала спину прямо. Улыбалась тогда, когда нужно было улыбаться. Думала: *запоминай лица. Кто смотрит и кто не смотрит. Кто встаёт. Кто остаётся сидеть.*

За центральным столом сидел Сальваторе - широкий, лоснящийся, с золотой цепью поверх рубашки. При виде нас поднялся с той торопливостью которая бывает у людей когда они не уверены нужно ли вставать.

- Корелли! - Раскинул руки. Взгляд мгновенно нашёл меня, прошёлся сверху вниз, остановился. Усмешка стала шире. - Красивая сучка. Трахнул уже?

Корелли не повысил голос.

Он просто посмотрел на Сальваторе. Одну секунду - серые глаза потемнели, не от ярости, это было что-то холоднее ярости - и Сальваторе, который только что улыбался, вдруг перестал. Как будто кто-то убрал звук.

- Выбирай выражения, - произнёс Корелли. Тихо. Ровно. Так говорят один раз.

Сальваторе кивнул. Быстро. Улыбка никуда не делась, но стала другой - меньше, осторожнее.

Мы сели. Разговор начался - поставки, проценты, имена которые мне ни о чём не говорили и которые я запоминала все до одного. Рядом с Сальваторе сидел человек с тихим лицом и внимательными глазами - почти не говорил, только слушал. Что-то в нём мне не нравилось. Я не могла объяснить что именно. Откладывала в ту папку в голове которую не показываю никому.

Я кивала в нужных местах. Держала бокал двумя пальцами. Улыбалась ровно столько сколько нужно. Алисия Валенсиано делала всё это лучше меня и я была ей благодарна.

Прошёл час. Может больше.

Джаз не останавливался.

Потом дверь распахнулась.

Не так как открывают дверь. Так как её выбивают - с грохотом и холодным воздухом и резким запахом улицы. Я почувствовала как Корелли рядом со мной стал другим раньше чем обернулась - плечи, позвоночник, вся его физика изменилась за долю секунды.

В зал вошли ирландцы.

Их было семеро. Впереди - невысокий рыжеватый мужчина с лицом человека у которого давно кончилось терпение. Микки ОШи. Я знала это имя из досье - букмекер Норт-Сайда, давний должник Сальваторе, темперамент неустойчивый. Это было ещё мягко сказано. Револьвер в его руке смотрел прямо на наш стол.

Зал начал взрываться.

Корелли встал.

Одним движением. Тихим. И это тихое движение остановило панику раньше чем она началась. Он оказался передо мной - я не поняла как - просто его спина закрыла весь мой обзор, и я видела только тёмную ткань пиджака и то как напряглись мышцы под ней. Рука нашла моё запястье. Не сжала - просто легла. *Стой здесь.*

- ОШи, - произнёс он.

Один голос в тишине. Без повышения. Без металла. Просто - как ставят точку в конце фразы которая уже сказана.

ОШи остановился.

- Ты пришёл в чужой дом, - продолжил Корелли. - С оружием. Без предупреждения. - Он дал этому осесть, смотрел на ОШи не мигая. - Это требует объяснения.

- Он должен мне сто тысяч! - ОШи мотнул головой в сторону Сальваторе, голос сорвался на полутоне выше чем нужно. - Три месяца кормит завтраками. Я пришёл взять своё.

- Опустит оружие.

- Корелли...

- Опустит оружие, Патрик.

Что-то в том как он произнёс имя. Не угроза - констатация. Как человек который уже знает чем это закончится и просто даёт собеседнику последний шанс выбрать самостоятельно.

ОШи опустил. Медленно. Против воли - это было видно по тому как сжалась его челюсть.

Корелли обернулся к Сальваторе. Лицо совершенно спокойное.

- Долг реальный?

Сальваторе вытер лоб шёлковым платком. Молчал на секунду дольше чем следовало.

- Корелли, я объясню...

- Реальный?

- Да.

- Тогда заплатишь. До конца недели. - Взгляд вернулся к ОШи с той же ровностью, ни градуса теплее, ни градуса холоднее. - Ты получишь своё. Через Рико. Сроки согласуете.

ОШи смотрел на него секунду. Потом ещё. В этом взгляде было облегчение - и именно это облегчение потом сыграет с ним злую шутку. Потому что облегчение означает что он не думал дальше следующей минуты.

- Договорились, - сказал он.

Его люди двинулись к выходу. ОШи последним. У двери он обернулся - не знаю зачем, может рефлекс, может хотел сказать последнее слово - и встретился взглядом с Корелли.

Корелли смотрел на него.

Вот и всё. Просто смотрел.

ОШи вышел молча. Чуть быстрее чем надо. Чуть прямее чем надо. Я видела по тому как он шёл - что понял только в дверях. Что вышел живым не потому что Корелли не мог. А потому что Корелли выбрал. Сейчас. По каким-то своим причинам. И что в следующий раз причины могут быть другими.

Тишина в зале держалась несколько секунд.

Потом джаз-бэнд заиграл снова.

Корелли повернулся к Сальваторе. Голос - не громче, но с краем:

- Прибери за собой. - Его взгляд прошёлся по столу, по рукам Сальваторе, по его лицу - спокойно, методично, как осматривают беспорядок который придётся разгрести. - Иначе приберутся мои люди. Тебе это не понравится.

Сальваторе молчал. Кивнул.

Корелли взял меня за руку и повёл к выходу. Его пальцы были холодными.

За его плечом, пока мы шли через зал, я видела как Сальваторе достаёт платок и снова вытирает лоб. Рука у него чуть дрожала.

Мы ехали обратно в тишине. Я смотрела на его профиль - сжатые челюсти, жилка на виске. За окном плыли огни Саут-Сайда, мокрые и размытые. Я думала об ОШи - о том как он обернулся у двери и как понял. И о том что Корелли стоял передо мной и закрывал меня собой и ни разу не изменился в лице.

Это пугало.

Это завораживало.

Я не знала что делать с тем что эти два чувства во мне неотличимы одно от другого.

В кабинете пахло кожей и табаком. Корелли налил два стакана бурбона - не спросив, просто поставил один передо мной. Мы выпили в тишине. Алкоголь упал в желудок тёплой волной.

- Ты спас меня? - произнесла я. Тихо. Почти не хотела чтобы он услышал.

Он посмотрел на меня. Уголок рта чуть дрогнул.

- Я сохранил ситуацию. Свою репутацию. Деньги Сальваторе - которые тот заплатит до пятницы или пожалеет. - Поставил стакан на стол. - И тебя. Да.

Он сделал один шаг.

Пространство между нами перестало существовать.

Его рука поймала моё лицо - большой палец лёг под подбородок, поднял вверх. Не прося. Не спрашивая. С той же естественностью с которой он только что остановил человека с оружием одним голосом. Серые глаза смотрели на меня сверху вниз - спокойно, внимательно, как смотрят на что-то своё.

Это был не поцелуй.

Это было закрывание капкана.

Губы горячие от бурбона - жёсткие, без вопроса, без паузы которая дала бы мне время подумать. Зубы прикусили нижнюю губу резко, с давлением на границе боли, и я почувствовала тонкий металлический привкус и поняла, что это моя кровь и что это его рот, и что я не отстранилась. Язык - медленно, намеренно, давая мне почувствовать что он не торопится. Что у него есть время. Что он уже знает чем это закончится.

Я должна была оттолкнуть. Должна была вспомнить о Томе. О задании. О том кто я и зачем я здесь. Я не сделала ничего из этого. Просто не двинулась - и это было то же самое что сказать да.

Почувствовала как он улыбнулся - едва, одним углом рта, прямо у моих губ. Как человек который знал что так будет. Который знал это раньше меня.

Потом он оторвался - резко, лишил воздуха - и развернул меня лицом к стене.

Без вопроса. Без предупреждения. Просто взял и поставил так как ему было нужно - с той же естественностью с которой переставляют вещь на полке. Щека прижалась к холодной поверхности. Потом грудь. Я успела сделать один вдох прежде чем он оказался вплотную сзади - его тело вдоль моего, его возбуждение твёрдое, горячее, без попытки скрыть. Ни что хочет. Ни что намерен взять.

Одной рукой поймал мои запястья и поднял над головой. Прижал к стене. Намертво.

Я дёрнулась - хватка усилилась. Не больно. Просто абсолютно.

- Не надо, - произнёс он тихо, губами у самого виска. Голос низкий, совершенно ровный. - Ты и сама не уйдёшь.

Не угроза. Уверенность. И именно это было хуже угрозы - потому что он был прав и мы оба это знали.

Свободная рука скользнула под платье. Ладонь легла на внутреннюю сторону бедра - и остановилась. Просто лежала. Тёплая, тяжёлая, никуда не двигаясь. Я почувствовала как напряглись мышцы под его рукой - не от страха. От ожидания. От того что тело уже решило без меня.

Он это почувствовал.

И не двигался. Намеренно.

- Ты думала что изучаешь меня, - произнёс он. Губы почти касались кожи за ухом - не касались, просто были близко, достаточно близко чтобы я чувствовала тепло. - С первого дня. Считала цифры. Смотрела как я хожу по комнате. Запоминала.

Пауза. Ладонь под платьем сдвинулась на сантиметр вверх и снова остановилась.

- А я изучал тебя.

Эти слова упали между нами и остались там.

Рука наконец двинулась - медленно, без торопливости, вдоль внутренней стороны бедра вверх - и пальцы легли на ткань нижнего белья. Просто легли. Почувствовали.

Тихий тёмный звук у него в горле.

- Уже, - произнёс он. Не торжествуя. Просто констатация. Как человек который получил подтверждение тому что и так знал.

Стыд вспыхнул во мне острее чем всё остальное. Потому что он был прав. Потому что тело предало меня ещё в темноте клуба - когда его плечи напряглись передо мной и он закрыл меня от чужого оружия и не изменился в лице ни разу. Предало задолго до того как он прикоснулся.

Я попыталась сжать ноги.

Его колено вклинилось между моих бёдер. Раздвинул. Держал. Давая мне почувствовать что это тоже его решение - когда я открыта, а когда нет.

Пальцы сдвинули ткань в сторону.

Вошли медленно - не резко, именно медленно, давая мне почувствовать каждый сантиметр, давая мне время осознать что происходит и что я не останавливаю. Глубоко. Один палец, потом второй. Я почувствовала как раскрываюсь под ним и как это выдаёт меня окончательно - влажная, горячая, абсолютно готовая - и он это знал, чувствовал это под своей рукой, и не сказал ничего. Просто начал двигать пальцами.

Медленно. В ритме который выбрал сам.

Большой палец лёг на клитор - не двигался сразу, просто давил, ровно, с нарастающим усилием - и я почувствовала как что-то внутри начинает натягиваться, острое и невыносимое, как струна которую тянут до предела.

Бёдра подались назад сами. Я не контролировала это движение - оно просто случилось, тело нашло его без разрешения головы. Он почувствовал это сразу и прижался плотнее - его член вдоль моей ягодицы, через ткань, намеренно, медленно. Не давая забыть что он сдерживается. Что это его выбор. Пока.

Пальцы внутри изменили угол.

Я выдохнула. Непроизвольно. Звук был тихим и совершенно предательским - и он его услышал, я почувствовала это по тому как на секунду замедлился, как будто хотел запомнить.

Он отпустил мои руки. Я просто прижала ладони к стене.

Его свободная рука поднялась к груди. Нашла под тканью - пальцы защемили сосок с тем точным давлением которое находится ровно на границе между болью и тем, что больше не похоже на боль. Я дёрнулась. Непроизвольно прижалась к нему ещё плотнее. Он поймал это движение и повторил - чуть сильнее, проверяя, и я снова дёрнулась и снова прижалась и поняла что он делает: учит моё тело двигаться к нему. Учит реагировать на него именно так. Методично. Терпеливо. Как человек который никуда не торопится.

Пальцы внутри добавили третий - медленно, с тем же вниманием к каждому сантиметру - и большой палец снаружи начал двигаться наконец. Круговыми движениями. Медленно и с давлением которое нарастало и не давало ни отдышаться ни найти хоть какую-то точку опоры.

Я была на краю.

Это было физически, непроверяемо, совершенно вне моего контроля - напряжение нарастало, острое и неотвратимое, и ещё немного и я бы - он бы почувствовал - он бы знал .

Наклонился и прикусил кожу на шее. В том месте где потом останется след. Медленно. Давая почувствовать зубы. Потом провёл языком по прикушенному месту - медленно, как будто пробуя на вкус.

- Я всегда знал, - произнёс он тихо. - С первого дня.

И остановился.

Пальцы застыли внутри меня в самый невыносимый момент. Абсолютная неподвижность - ни вперёд, ни назад. Дыхание горячее, тяжёлое у моего виска. Тишина в кабинете стала плотной.

Я повернула голову. Насколько позволяла его рука.

Посмотрела на него.

В его глазах не было потери контроля. Не было страсти которая смела бы всё на своём пути. Было внимание. Полное, холодное, абсолютное - он смотрел на моё лицо как на что-то что изучает. На желание и страх, неотделимые одно от другого. На то как близко я была. На то что я это знаю. На то что он это знает.

Это было красиво.

И именно это было страшнее всего.

Потом он медленно вытащил пальцы.

Медленно - это тоже было намеренно. Давая мне почувствовать уход. Давая мне остаться на краю и знать что ухожу с него не сама.

Сделал шаг назад.

Холод ударил мгновенно - туда где только что было его тело, его тепло, его вес. Я осталась стоять у стены. Платье задрано. Дыхание сбито. Ноги держат с трудом. Между ног пульсировало остро и незавершённо - каждый удар сердца отдавался там горько, настойчиво, невыносимо. Тело не понимало что произошло. Тело ждало.

Корелли достал белоснежный платок.

Вытер пальцы - медленно, методично, один за другим. Смотрел при этом на меня. Не отводил взгляда ни на секунду. Сложил платок аккуратно. Убрал в карман. Взял сигару. Закурил.

Голос, когда он заговорил, был деловым. Совершенно ровным. Как будто за последние несколько минут не произошло ровным счётом ничего.

- Не сегодня.

Подошел ко мне. Наклонился к моему уху. Близко. Очень близко. Произнёс почти шёпотом - без возбуждения, без торопливости, с той спокойной уверенностью которая была страшнее любой угрозы:

- Недолго ждать осталось. Ты уже знаешь это сама.

Отошёл к столу.

Я смотрела на его спину и чувствовала оба чувства одновременно - унижение и незавершённость, неотделимые одно от другого, и именно их неотделимость была хуже каждого по отдельности. Он использовал меня как объект. Методично убрал инструмент. Аккуратно вытер пальцы при мне - не отводя взгляда - и это было намеренно, каждое движение было намеренно, и я это понимала и тело моё всё равно стояло на краю и не прощало мне этого понимания.

Это не великодушие.

Это контроль.

Фасад восстанавливался на глазах - каждая пуговица, каждая складка, каждый жест возвращал его в того человека которого видит весь остальной мир. Я смотрела на его спину и думала что ненавижу его. За то что остановился именно тогда. За то что сделал это намеренно - довёл до края и отступил. Чтобы я чувствовала это. Чтобы помнила.

- Собирай вещи, - бросил он, не оборачиваясь.

- Что?

- Все вещи. Ты переезжаешь. Апартаменты готовы - гардеробная, всё необходимое.

Первая мысль была физической. Как будто кто-то сдавил грудную клетку и держит. Та, своя квартира. Свои замки. Свой маршрут до телефонной будки на углу Мичиган и Эри - маршрут который я знаю наизусть и который существовал только для меня.

Всё это только что перестало существовать одной фразой.

Потом пришла вторая мысль - холодная и чёткая, как цифра в колонке.

Наблюдательный пункт.

- Понимаю, - произнесла я ровным голосом. - Это эффективно.

Он посмотрел на меня с тем выражением которое я ещё не научилась читать.

- Завтра в восемь.

Я взяла ключ и вышла.

Апартаменты находились этажом выше его кабинета. Рико сказал мне это спокойно, как факт не требующий комментариев.

Прямо над ним.

Я стояла посреди комнаты в пальто - не потому что было холодно. Просто не снимала.

Высокие потолки. Большое окно. На полу длинные полосы от уличных фонарей - свет, дождь, ноябрь. Кровать застелена. На столике стакан с водой, будто кто-то подумал об этом заранее.

Своя мебель. Чужие стены.

Где-то внизу через пол, через перекрытия - его кабинет. Может он там сейчас. Наверное там. Сидит за столом. Вечер закрыт.

Я хотела злиться.

Было бы проще - злость даёт форму, даёт направление, даёт что-то с чем можно работать. Но это было не злость. Это было что-то тупое и тихое - как после того как долго держишь тяжёлое и наконец опускаешь, и руки не болят ещё. Просто не чувствуют.

Я подошла к окну.

Маршрут до телефонной будки на углу Мичиган и Эри больше не существовал. Том этого ещё не знал. Я ещё не решила когда скажу.

Дождь шёл за стеклом. Огни города внизу плыли и двоились в воде на стекле. Чикаго не замечал ни того ни другого.

Я думала об ОШи - о том как он обернулся у двери и как всё понял только там. О том как Корелли стоял передо мной и говорил одним голосом и не изменился в лице ни разу. О том как его пальцы вошли в меня без предупреждения и как моё тело встретило их раньше чем голова успела что-то решить. О платке который он убрал в карман так методично, так аккуратно - как убирают инструмент после работы.

О том что я стояла на краю.

О том что он это знал.

О том что он выбрал остановиться.

Глава 7 Эхо в пустом кабинете

На следующее утро будильник настойчиво уверял, что я живая.

Тело думало иначе.

Я лежала в темноте и чувствовала его - не образ, не слова. Физически. Там, где его пальцы были. И там, где их не стало. Незавершённость не прошла за ночь. Просто стала тише - как боль, которую перестаёшь замечать потому что привыкла, не потому что прошло.

Я встала. Прошла в ванную. Включила холодную воду и встала под неё, пока дрожь в теле не стала просто дрожью от холода.

После того, как оделась, подошла к зеркалу.

На шее, там, где его зубы касались кожи, виднелись два крошечных синяка. Я долго смотрела на них, потом взяла самый высокий воротник, который смогла найти, и поверх его еще повязала поверх шёлковый платок. Последняя линия обороны старой Элис Грейсон, пытающейся выстроить вокруг себя крепостную стену из шёлка и дисциплины.

На работу пришла раньше всех.

Кабинет встретил гулом вентиляции и стуком настенных часов. Я попыталась погрузиться в цифры. Цифры были понятны - уравнения сходились, дебет бился с кредитом, и в этом мире не было места ни для чего иррационального.

Первым был Рико. Он всегда проходил мимо меня как ожившая статуя. Сегодня замедлил шаг и коротко кивнул - с тем, что для него было равносильно отданию чести. Признал не меня?

Я кивнула в ответ и отвернулась.

Хиггинс поставила папку на стол - аккуратно, без слов - и вышла не оглядываясь. Что-то в её спине было плотнее обычного. Она видела. Всё поняла. Решила, что лучше не знать.

Весь день я ощущала его присутствие краем зрения. Он не заходил - но каждый раз когда я выходила в коридор, он оказывался где-то неподалёку. У окна. У стойки. В дальнем конце холла. Всегда чуть в стороне. Всегда будто занятый чем-то другим.

Но я чувствовала - он знает где я нахожусь. Всегда.

После обеда я обнаружила орхидею.

Белая. В тонком хрустальном флаконе. К стеблю прикреплена карточка из плотной кремовой бумаги - одно слово, каллиграфическим почерком, с сильным нажимом.

«Моя».

Я долго смотрела на неё.

Потом вспомнила его пальцы. Как он методично вытирал их о белоснежный платок. Так спокойно и привычно.

Я взяла флакон, вышла в коридор и опустила его в мусорную корзину у стены. Без злости. Просто поставила - и вернулась за стол.

Он зашёл ближе к вечеру, когда этаж уже почти опустел.

Не постучал. Просто открыл дверь и вошёл не спеша - как в собственный кабинет. Остановился у порога. Окинул комнату взглядом. Его взгляд задержался на пустом краю стола ровно на секунду - и вернулся ко мне.

- Как прошло утро?

- Продуктивно.

- Новая квартира удобна?

- Вполне.

Он медленно подошёл к столу. Остановился напротив. Снова посмотрел на пустое место - туда, где утром стоял флакон - и поднял глаза.

- Орхидея не понравилась.

Я отложила ручку.

- Орхидея была красивой.

Краем взгляда я заметила белый уголок, аккуратно выглядывающий из кармана его пиджака. Белоснежный. Идеально сложенный. В голове мелькнули его пальцы - методичное движение. Складывает. Убирает.

Я подняла на него взгляд.

- Просто с недавнего времени у меня аллергия на белый цвет.

Его взгляд скользнул туда, куда был направлен мой - к карману. К белому краешку платка.

Секунда.

Он всё понял.

Вот тут он дёрнулся. Едва заметно. Совсем чуть-чуть, что-то острое мелькнуло в серых глазах. Не гнев. Понимание. Именно то понимание, которого я добивалась. Он совладал с этим мгновенно, лицо снова стало непроницаемым - но я видела. Успела увидеть.

Мне не следовало чувствовать от этого такого острого удовлетворения.

Пауза затянулась.

- Мне нужно сегодня вечером заехать за вещами, - сказала я, переворачивая страницу.

- Возьму такси. Рико не нужен.

- Нет.

- Это займёт пару часов.

- Нет.

Я подняла на него взгляд - спокойно, терпеливо.

- Винсент. Мне нужно доработать.

Он помолчал. Потом выпрямился, застегнул пуговицу пиджака - медленно, без спешки - и пошёл к двери.

- Рико отвезёт. В восемь. И обратно.

Почти вышел.

- Да, и ещё.

Он обернулся чуть-чуть. Вполоборота.

- Тебе не идут высокие воротники, птичка.

Дверь закрылась тихо.

Я сидела неподвижно, глядя в бумаги перед собой. Цифры стояли на месте - ровные, понятные, абсолютно бессмысленные прямо сейчас.

Птичка.

Я взяла ручку. Положила обратно. Взяла снова.

Внутри всё кипело - тихо, методично, без выхода. Я злилась на платок. На орхидею. На его абсолютно непроницаемое лицо и на ту долю секунды, когда оно таким не было. На то, что я это заметила и обрадовалась. На то, что он ушёл последним с словом и прекрасно об этом знал.

И особенно на то, что никакого высокого воротника сейчас на мне уже не было.

Рико ждал у подъезда ровно в восемь. Не внутри - снаружи, у машины. Молчал всю дорогу. Это было одним из его лучших качеств.

Луп встретил запахом мокрого асфальта и светом фонарей в лужах. Я знала этот район. Почти три месяца назад Харпер вручил мне два ключа и коробку с легендой. Конспиративная квартира пахла чужим жильём и новыми замками.

- Подожду, - сказал Рико.

Я не стала спорить.

Внутри было темно. Я не стала включать верхний свет - только маленькую лампу у стола.

Вещей было немного. Я знала это заранее - сюда не переезжают, сюда временно помещают себя. Два платья и пару костюмов. Папка с копиями, которые я не сдала Харперу. Книга с закладкой на сорок третьей странице - так и не продвинулась дальше.

Папку убрала в сумку первой.

Книгу - подумала. Положила.

Позже в коридоре скрипнула половица.

Том выглядел как человек, который принял решение по дороге и теперь не вполне уверен.

Пальто влажное - шёл пешком. Значит думал. Значит не хотел, чтобы кто-то знал.

- Наблюдение доложило, - сказал он.

Это прозвучало как оправдание. Он это услышал сам.

Я продолжала собирать. Он оглядел комнату - быстро, как осматривают место, которое скоро перестанет существовать. Взгляд остановился на сумке. Потом поднялся на меня.

Я вспомнила про воротник слишком поздно.

Он смотрел долго. Лицо осталось ровным. Именно это было хуже всего.

- Операция выходит за рамки, - сказал он наконец. Тихо. Без интонации.

- Операция идёт по плану.

- Элис.

Просто имя. Но в нём было то, что он два месяца не позволял себе произносить вслух. С первого дня в той закуской. С момента, когда маска инструктора дала трещину - и он немедленно её починил.

Он шагнул ближе.

- Тебя убьют. - Пауза. - Я боюсь, что тебя убьют. Ты важнее.

Я застегнула сумку.

Он сказал это тихо. Без театра. Как факт, который слишком долго держал при себ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.